

Григорий Шепелев

Улус Джучи

18+

Григорий Александрович Шепелев

Улус Джучи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48509009

SelfPub; 2024

Аннотация

Студентка по имени Ариана вдруг узнаёт о том, что ей угрожает очень большая опасность. Какие-то неизвестные похищают и убивают девушек её возраста, её внешности, с её именем. Судя по всему, убийцам нужна лишь одна из них, которую они ищут таким вот образом. Ариана не знает, стоит ли доверять данной информации. Следующий же вечер даёт ей страшный ответ на этот вопрос...

Содержание

Григорий Шепелев	4
Улус Джучи	4
Пролог	4
Глава первая	16
Глава вторая	23
Глава третья	33
Глава четвёртая	40
Глава пятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Григорий Шепелев

Улус Джучи

Григорий Шепелев

Улус Джучи
(роман)

Пролог

На двадцать второй день рождения Маргарита Викторовна Дроздова, скверно воспитанная брюнетка с горбатым носиком, получила кучу всякого хлама и только три полезные вещи. Тётя при помощи своего майора справила ей водительские права, мачеха при помощи генерала – красный "Фольксваген Поло" с бандитскими номерами, а молодой человек потратил свою стипендию на набор гаечных ключей. Эти три предмета привели Риту в полный восторг, поэтому день рождения прошёл радостно, без скандалов. Не в пример дню, ночь выдалась тяжкая. Коньяк, водка и молодой чело-

век, имени которого историческая наука не сохранила, сплелись в клубок тошнотворности. Но здоровье и юность взяли своё. Уснуть удалось. Кое-как проснувшись, Рита вскочила, оделась, выбежала на улицу, где, как выяснилось, стояло раннее утро, и энергично взялась за ремонт "Фольксвагена". Он был новый и весь сиял, но ведь совершенству пределов нет, как известно! Выкрутив шесть болтов из клапанной крышки, Рита её сняла, завела мотор и стала следить, как движутся клапана. Они двигались ритмично. Обильно брызгало масло.

– Ритка, ты одурела? – спросил сосед дядя Гена, который выводил пса на прогулку. – Зачем ломаешь машину?

– Я проверяю, в каком она состоянии, – возразила Рита. – Это для меня важно, поскольку я собираюсь ездить с предельной скоростью.

– Что? Да ты, я гляжу, опять таблеток обожралась? Или укурилась? Кто тебя научил открывать капот?

– Мой покойный дедушка. А ещё он меня научил водить.

Покойного дедушку уважал весь двор. Все знали, что дед Иван доводил до конца абсолютно всё, за что брался. Так что, на следующий же день, когда голова болеть перестала, Рита предприняла первую поездку. Она отправилась в Константиново, где родился Сергей Есенин. Выехать из Москвы ей удалось быстро, но на Рязанском шоссе, за Люберцами, пришлось часок постоять. Весь дальнейший путь до Рязанской области прошёл гладко. Надо сказать, что левая фара "Фольксвагена" не работала, потому что Рита, проверив дви-

гатель, начала проверять электрику, а вот этой премудрости дед Иван её не учил. Также он её не учил резко перестраиваться, прикуривать и гасить окурки во время лихих манёвров и нарушать скоростной режим. Но на "Волге" дедушки нарушать скоростной режим было невозможно. Иное дело – "Фольксваген"!

Погода стояла солнечная, с приятным сентябрьским ветерком. Небеса раскинулись над Рязанщиной поэтической дымчатой синью. Задумчиво побродив по родной деревне Есенина и пофоткав вид на Оку, Рита пообедала в ресторане, затем купила у двух смущённых бородачей какие-то книги – видимо, с их стихами, и устремила в обратный путь. Были уже сумерки. Очень резво Рита пересекла поля и, вырвав на шоссе через высоченный мост, ещё притопила. Светлое впечатление от прогулки было таким окрыляющим, что пришлось занять левый ряд и переключением фары стогнать с него даже тех, кто шёл под сто семьдесят. А на небе собрались тучи. Когда растаяли позади бледные огни славной огуточной столицы по имени Луховицы, начался дождь. Настоящий ливень. Он барабанил по маленькому "Фольксвагену" так, что было не слышно радио. Рита снизила скорость. Не из-за ливня, а чтобы не проскочить АЗС. Топливная лампа уже мигала. Но не увидеть эмблему концерна "Юкос" даже сквозь темноту и стену дождя было невозможно. Она сияла в двух километрах от городка. Очень осторожно нажав на тормоз, Рита плавно свернула под крышу бензозаправки. Сер-

висники залили ей полный бак, предложили кофе.

– Спасибо, я не хочу, – отказалась Рита. – Но я бы вас попросила помочь мне выйти из затруднения. Что вы мне посоветуете – объехать Коломну справа или же пересечь её по прямой?

– Езжайте через Коломну, – ответил служащий. – Ночью под таким ливнем объездной путь по мостам довольно опасен. Они ведь длинные, узкие, освещение на них слабое! А у вас только одна фара горит.

– Я вас поняла, большое спасибо.

Рита всё же зашла в кафе и выпила кофе. Целых три чашки. Продолжив путь, она закурила. Перед развилкой её вдруг остановил инспектор ГАИ. Охота же ему было выскакать из своей машины под дождь! Тщательно проверив все документы Риты, он дал ей тот же совет: езжайте по городу. Но она поехала по мостам, как ехала днём.

Теперь, в темноте, черед мостов, которые протянулись в объезд Коломны, действительно потрепала нервы. Машин по ним шло немного, но обгонять порой приходилось. А обгонять можно было только по встречной. Стеклоочистители не справлялись с ливневым шквалом. Бездействие левой фары в таких условиях было просто невероятной подлостью. Иногда, бросая взгляд на просторы справа и слева, которых не было видно, Рита невольно сравнивала себя с мотыльком, который залетел в комнату, где за ним начали гоняться, чтобы прихлопнуть. Несчастный маленький мотылёк! Зачем ты

так любишь свет? Почему каждая лучина для тебя – солнышко?

На втором мосту Рита захотела обогнать "Крайслер". На встречу ей двигалось что-то очень большое. Судя по фарам, это был грузовик. КамАЗ. Хотя расстояние превышало полкилометра, водитель грузовика стал сигналить фарами, чтобы Рита не вздумала выезжать на встречную. Но она уже выезжала, а идиот, управлявший "Крайслером", поддал газу. Он вдруг зачем-то решил совершить убийство. Рита похолодела от пальцев ног до макушки. Её правая нога буквально впечатала педаль газа в пол. Стрелка улетела за двести. Затылок мягко втиснулся в подголовник. Свет встречных фар вдруг сделался таким ярким, что ослепил. Водитель КамАЗа, изо всей силы ударив по тормозам, подал звуковой сигнал. Это был панический вой. Неужели всё? Но в тот самый миг мобильный телефон Риты заверещал. Его звук был громким и требовательным, как голос умной собаки. Он призывал обратить внимание на него, и Рита, невольно выскочив из волны слепящего магнетизма, который делал её метания тщетными, без труда ушла от удара.

Её глаза снова обрели обычную форму. Нельзя сказать, что сердце заколотилось, как молоток по гвоздю. Нет, наоборот – застыв лишь на один миг, оно стало биться ровно. Но ощутимо. Болезненно. Прежде, вроде, такого не наблюдалось. "Крайслер" и грузовик мгновенно исчезли в мутном мерцающем далеке, за пеной дождя. Мобильник давно

умолк. Не поинтересовавшись, кто это ей звонил почти уже в полночь, Рита вернулась к нормальной скорости и растерянно закурила. Да, надо быть начеку! Оказывается, не только умные девушки получают водительские права в подарок.

Но, повернув на трассу, она включила дальний свет фар и опять взметнула стрелку спидометра к ста пятидесяти. И сразу сбросила газ. Впереди, около дороги, стояла под дождём девочка лет пятнадцати – щуплая, белокурая, в джинсах, кедах и свитере. У неё в руке был красный пакет. Взмахами свободной руки она умоляла остановиться. Рита затормозила, разбрызгав лужу, и опустила стекло пассажирской двери. Девочка подбежала к ней, наклонилась. Она забавно и жалобно хлюпала длинным носиком.

– Подвезти? – с улыбкой спросила Рита, невольно залюбовавшись её лицом в капельках дождя. – Тебе куда надо?

– Если вы едете домой, то нам по пути, – ответила юная незнакомка. Такой ответ слегка озадачил Риту. Но она мигом сообразила: ведь на "Фольксвагене" номера московские, значит – даме надо в Москву.

– Так тебе в Москву? – уточнила Рита на всякий случай.

– В Москву, в Москву!

– Ну садись, садись.

Последовав приглашению, незнакомка хлопнула дверью так, словно эта дверь была из стекла. Очень боязливо. Но дверь захлопнулась.

– Пристегнись, – попросила Рита. Девочка это сделала.

Разгоняя машину, Рита опять взглянула на пассажирку. Та вытирала лицо носовым платком и хлюпала носиком. Это был ангелочек. Да нет же, нет! Мотылёчек! Но если так, что для него солнышко? Неужели дальний свет фар дорогой машины?

– Как тебя звать? – поинтересовалась Рита.

– Элеонора, – представилась незнакомка. Понятно было, что врёт. Почему-то сразу стало это понятно.

– А где родители?

– А твои?

– Мои давно умерли.

– Мои тоже.

Рита смутилась. Дождь, между тем, существенно ослабел. Темп работы дворников изменился. Убрав платочек в карман, девочка зачем-то стиснула свой пакетик двумя руками. Тот зашуршал. Вдруг она воскликнула, наблюдая, как Рита осуществляет обгон сразу двух машин, идущих с приличной скоростью:

– Да ты гонщица! Тебе жить надоело, что ли?

– Не совсем так, – улыбнулась Рита, – и даже наоборот. Обычно надоедает то, что по сентиментальным соображениям жалко выкинуть на помойку. Я никогда не ценила свою жизнь выше, чем она стоит на самом деле.

– Какая ты благородная! – возмутилась Элеонора. – Но, вообще-то, в машине ещё и я нахожусь! Кто тебе дал право оценивать мою жизнь?

– Ладно, не ори.

Рита не только сбавила обороты, но и перевела рычаг скоростей с пятой на четвёртую. Это было сделано вовремя, потому что "Фольксваген" въезжал в деревню Непецино – маленькую столицу большого лука. Он почему-то здесь рос с чудовищной интенсивностью. Замелькали с обеих сторон дороги каменные дома плаксивых овощеводов. Девочка вроде бы успокоилась. С интересом глядя на профиль Риты, который был горбоносим и вполне мог в плавающих отсветах фонарей показаться ведьминским, она бросила:

– Это странно и удивительно!

– Что тебя удивляет? – спросила Рита.

– Ну, то, что ты мне сказала. Ведь у тебя есть молодость, красота и, самое главное – доброта, которая делает жизнь счастливой. Но сама жизнь для тебя ничего не значит. А Чингисхан, не располагавший этими качествами, хотел сделаться бессмертным.

– Зато он располагал половиной мира, – сказала Рита, до крайности удивлённая поворотом беседы в такое русло. – Было ради чего цепляться за жизнь! А ты, видимо, отличница?

– Совсем нет. Я просто довольно много читаю. И во всех книгах про Чингисхана упоминается, что китайский мудрец Чань-Чунь сказал Чингисхану: "О Величайший из Величайших! Я не могу дать тебе бессмертие, как ты просишь. Но я могу предсказать, когда ты умрёшь. Тебе суждено умереть в

тот же самый год, что и мне!"

– Действительно, он был мудрым, этот Чань-Чунь, – усмехнулась Рита. – Ты не находишь?

– Я бы сказала, хитрым. Кстати, ты знаешь, чем была вызвана смерть Чингисхана?

– Не знаю. Чем?

– Транспортной аварией. Величайший каган во время охоты грохнулся с лошади и ударился так, что несколько дней пролежал да умер. Так что, поаккуратнее с выездами на встречную!

– Я тебя довезу до Москвы в том виде, в каком ты села на это кресло, – пообещала Рита, – если, конечно, ты мне не надоешь по дороге.

Девочка засмеялась и ничего не ответила. Трасса снова вышла в поля, и Рита прибавила скоростёнки. Дождь уж едва-едва моросил. Дорога блестела и ускользала за горизонт – изогнутый, словно лук. Видимо, дорога была стрелой. Монгольской стрелой.

– Может, включим радио? – предложила Рита.

– Как знаешь. Но мне бы этого не хотелось.

– Вот как? А почему?

– Потому что музыка может переменить настроение.

– Ну и что?

– Мне бы не хотелось его менять, – заявила девочка. – У меня к тебе есть вопрос. Ответ на него, и тогда посмотрим, включать ли радио.

– Задавай.

Девочка подумала и сказала:

– Ты говоришь, что жизнь для тебя не имеет особой ценности. Ну а если ты встретишь смерть, то не возрастёт ли сразу в твоих глазах цена твоей жизни?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – честно призналась Рита. – Но полагаю, что это будет зависеть от цены смерти.

– От цены смерти?

– Именно так. Красивую смерть я не променяю ни на какую жизнь, будь то даже жизнь Чингисхана или Наполеона, даже не проигравшего Ватерлоо. Вот мой ответ.

– А не вздор ли это? – засомневалась девочка, хлюпнув носом. – Может ли смерть, пусть даже и красивая, иметь ценность только в себе самой?

– А почему нет? Если человек с самой пустой жизнью отдаст её за кого-то, разве это не будет победой смерти?

– Нет! Это будет победой жизни! Ведь его смерть спасёт чью-то жизнь. И тогда получится, что он смертью смерть попрад, как Христос.

– Послушай, Элеонора, на твой вопрос я тебе ответила, – раздражённо проговорила Рита, снова сбавляя скорость перед какой-то деревней. – Можешь вгрызаться в мою оценку какими хочешь клыками, даже религиозными. Только это – глупо и пошло. Моя оценка – это оценка эстета, а не философа. Я – эстет. Красивая смерть в моём понимании – это то, к чему следует стремиться. И если я её встречу, то уж,

конечно, не стану от неё бегать ни за какие коврижки.

– Ни за какие коврижки? – переспросила юная спорщица, очень пристально поглядев на Риту. – А что такое коврижки?

– Ну, пирожки, крендельки, всякая там выпечка к чаю.

Элеонора кивнула, как будто что-то осмысливая. Деревня уже кончалась. Дальше был перекрёсток с постом ГАИ, а за ним – другая деревня. На краю первой виднелась под фонарём витрина и вывеска магазина.

– Останови, – попросила девочка, – я хочу кое-что купить.

– Только побыстрее, – сказала Рита. Машина остановилась. Прежде чем открыть дверь, любительница истории положила красный пакетик между сиденьями.

– Оставляю.

– Это ещё зачем?

– В качестве залога. Я ведь тебе уже должна денег! За те двадцать километров, что мы проехали вместе.

От этих слов Рита разозлилась ещё сильнее. Проводив взглядом маленькую зануду до магазина, она решила полюбопытствовать, что в пакетике. Оказались там круассаны. Несколько штук. Круассаны Рита любила сильнее всего на свете. И так они запросились в рот, что она включила заднюю передачу и, выполнив разворот, помчалась обратно к Рязанской области. Почему к Рязани, а не к Москве? Только потому, что хотелось ей оказаться как можно дальше от той, на чьи круассаны она позарилась. Ангелочек ведь не замедлит продолжить путь с кем-нибудь другим! После этой малень-

кой кражи жертва её стала внушать Рите уже не просто вялое раздражение, а глубокое отвращение. Это было довольно странно. Но ненависть овладела Ритой до такой степени, что она даже не хотела в ней разбираться.

Дождь стих совсем. Был второй час ночи. Гаишники почему-то не пропускали транспорт на объездную дорогу, всех направляли через Коломну. Но Рита каким-то чудом всё же проехала на мосты мимо полицейских. Те на неё даже не взглянули. И что же она увидела, оказавшись на том мосту, где чуть не столкнулась с грузовиком? Увидела странное: перекоsobоченный грузовик с оторванным бампером, штук пять-шесть патрульных автомобилей, две "Скорых помощи" и один реанимобиль. Это всё стояло, а медработники и полиция суетились. Предметом их суеты было что-то страшное. Ещё Рита увидела свой "Фольксваген", который трудно было узнать. И больше она уже ничего не видела – до тех пор, пока не очнулась в реанимации.

Кажется, опять было раннее утро, но уже зимнее. За окном свистела метель.

– А где круассаны? – спросила Рита врачей, которые подошли. Они улыбнулись и попросили весёлую медсестру, которая вынимала иглу у неё из вены, сбегать за круассанами. Она сбегала. Круассаны были другие, свежие. Те давно успели испортиться.

Глава первая

Димка Болотов, оказавшись в больнице, встречается там Ариану и понимает, что эта девушка ему нравится

Взяв в последней палате у двоих кровь на сахар и у двоих – на общеклинический, Ариана ринулась в коридор. Там она столкнулась с попом. Да-да, с самым настоящим священником – бородатым, одетым в чёрное. Он степенно шагал к лифтовой площадке, нахмутив густые брови. За ним бежали две девушки – вероятно, его помощницы, так как были они в платочках и что-то несли в руках. Кажется, святые дары. При виде этой процессии Ариана не очень-то удивилась. Священники весьма часто навещали сюда, в четвёртую хирургию. Здесь было много тяжёлых.

– Чёрт, извините! – произнесла лаборантка, делая шаг от священника. Тот слегка поклонился и улыбнулся. Глаза его были кроткими и глубокими.

– Извините вы. Я – не чёрт.

– Я и не имела в виду, что вы – чёрт! – с досадой воскликнула Ариана. – Я перед чёртом не стала бы извиняться.

Две одухотворённые девушки, замерев по разные стороны от священника, покраснели и выжидательно на него уставились. И вот тут Ариана, также приглядываясь к нему, заметила, что он молод. Вряд ли ему исполнилось тридцать пять.

– Позвольте сказать, что я не могу с вами согласиться, – промолвил он. – Просить извинения следует всякий раз, когда вы неправы, не делая исключений ни для кого. Однако сейчас вам не за что извиняться. Ведь это я вас толкнул из-за невнимательности. Простите.

– Как? Перед чёртом следует извиняться? – захолопала Ариана своими выпуклыми глазами. – Я не ослышалась?

– Не ослышались.

– Извините, но я отказываюсь серьёзно воспринимать ваше заявление! Это бред!

– Вы очень категоричны. У вас есть право на это, но я бы вам предложил пошире взглянуть на данный вопрос. Если вы неправы – какая разница, перед кем вы неправы?

– Разница есть! Безусловно, есть. Когда чёрт мне встретится, я по морде его ударю!

Лицо священника отразило глубокую озабоченность, хоть улыбка на нём осталась. Но она стала печальной.

– Дитя моё, Сатане нельзя бросать вызов, – кротко возразил он.

– Это почему же?

– А потому, что он может его принять.

Этим разговор завершился. Кивнув растерянной девушке с саквояжем, две девушки со святыми дарами и молодой человек с кроткими глазами продолжили свой путь к лифту. А Ариана направилась в ординаторскую.

Пятью минутами раньше туда вошёл Димка Болотов. Не

любил он туда входить, однако заведующий, Евгений Владимирович, который, по сути, спас его от тяжёлой степени инвалидности, очень строго ему сказал, отдавая выписку: "Димка! Чуть что не так – прибегай немедленно! С твоим слабым иммунитетом и сильным сахарным диабетом шутки опасны!" Вот Димка и прибежал, да притом вторично. И не с пустыми руками. Он внёс пакет с круассанами, шоколадками и пирожными. Этот самый пакет пришёлся как нельзя кстати – все или почти все пили в ординаторской кофе, пока больные обедали. Приход Димки вызвал общую радость. Она была неподдельной, долгой и шумной. Безвылазно проведя здесь полтора месяца, он успел сдружиться со всеми, особенно – с интересненькими медсёстрами. Но, конечно же, радость эта была с оттенком тревоги. Все понимали, что Димка, при всём его дружелюбии, просто так не потащит с другого конца Москвы пакет со вкусняшками. В том, что он его притащил с другого конца Москвы, сомнений быть не могло. Об этом свидетельствовала эмблема торговой сети, которая не успела протянуть щупальца в тот район, где располагалась больница.

– Выглядишь хорошо, – заметил Евгений Владимирович, пожав пациенту руку и передав пакет весело орущим медсёстрам и улыбающимся врачихам. – Что беспокоит? Садись, рассказывай. Не стесняйся.

– По-моему, один шов слегка загноился, – сообщил Димка, присев на самый краешек стула. Но ему тут же пришлось

подняться, так как Евгений Владимирович с почти прежней весёлостью попросил его снять рубашку. Все остальные медики также не прекратили вести себя ободряюще и шутливо – спрашивали у Димки, когда он женится, да как мама там поживает, ну и так далее. Когда Димка рубашку снял и хирург, велев перевязочной медсестре содрать с него пластыри, стал осматривать послеоперационные швы на его боку, вдруг открылась дверь. Вошла лаборантка – тоненькая блондинка с растрёпанной головой, огромными выпуклыми глазами и родинкой на щеке. То, что это именно лаборантка, Димка определил по её одежде – на ней была униформа, и саквояжу, который она несла. Плотнo прикрыв дверь, девушка направилась к единственному свободному стулу, который стоял у шкафа с историями болезней.

– Надо бы сделать ему рентген, Евгений Владимирович, – промолвила терапевт Тамара Васильевна, тоже оглядев Димку сбоку, и потянулась к стоявшему на столе телефону. – Я позвоню Евдокии Фёдоровне?

– Да хватит уже ему облучаться, – не согласился заведующий, ощупав Димкины рёбра, – я никакой особой беды здесь не вижу. Есть воспаление, но оно имеет поверхностные причины. Скажи, мой друг, ты следишь за сахаром крови?

– Да, разумеется, – сказал Димка. Он неподвижно стоял и не отрывал взгляда от лаборантки. Та, сев на стул, поставила чемоданчик на пол и безучастно уставилась на него, на Димку. Она была, казалось, чем-то подавлена. А Евгений Влади-

мирович, послав медсестру за бинтом и пластырем, продолжал:

– Я тебе назначу антибиотики, хорошо?

– Как скажете, – согласился Димка. Его слегка угнетало то, что девушка в униформе пристально смотрит только на его бок, изрезанный скальпелем. На его лицо, которое он считал более достойным внимания таких выпуклых, синих глаз, она даже не взглянула.

– Для перевязок будешь использовать димексид, а не беттадин, – прибавил заведующий. Взяв ручку и лист бумаги, он стал писать назначение.

– Значит, у меня сильное воспаление? – спросил Димка.

– Если бы оно было сильным, была бы температура. Её, судя по всему, нет. Ты не на больничном?

– Я взял больничный.

– Правильно сделал. А где ты сейчас работаешь? Всё на том же своём заводе? Ты ведь на Туполевском работал, модели делал?

– Туполевский завод решили закрыть, Евгений Владимирович, – ответил за пациента врач, имени которого тот не знал, – а на его месте построить коммерческий жилой комплекс.

Медсестра Анька, с которой Димка созванивался, насмешливо вставила своё слово:

– А знаете, что случится, если завод закроют? Дима тогда пойдёт работать таксистом!

– Опять за руль? – встревоженно изогнула тонкую бровь Тамара Васильевна, поднося к губам чашку кофе. – Надеюсь, Дима, теперь ты, по крайней мере, будешь пристёгиваться?

– Конечно! – дал слово Димка. Вернулась шустрая медсестра, которую посылали за пластырем и бинтом. Пока она делала перевязку, её коллеги наперебой убеждали Димку быть осторожнее за рулём и следить за сахаром. А когда перевязка была окончена, Димка быстро надел рубашку, всех горячо поблагодарил и, взяв назначение, быстро вышел из ординаторской. Коридор был пуст. Из палат тянуло зловонием гнойных ран и больничных щей. Больные обедали, стуча ложками. На посту сидела ещё одна медсестричка, дружная с Димкой. Они здоровались четверть часа назад.

– Ну, что тебе сказал шеф? – спросила она. Димка, с головой погружённый в мысли, остановился.

– Назначил антибиотики. Слушай, Ирка, а как зовут лаборантку?

Девушка удивилась и почесала ноготком нос.

– Лаборантку? Какую именно? Ариану, что ли?

– Если бы я знал, как её зовут, то не стал бы спрашивать!

Она десять минут назад прошла в ординаторскую. Взъерошенная блондинка с родинкой на щеке.

– Это Ариана! Она у нас с ноября работает.

– С ноября?

– Да, совсем недавно. Мы с ней, как выяснилось, учились в одном медколледже. На Литейном. Если не ошибаюсь, она

ещё работает в ресторане.

– Вот как? А кем?

– Точной информации не имею. Должно быть, официанткой! Вряд ли директором. Я бы этому удивилась.

Сестра-хозяйка катила по коридору лязгающую телегу. Дав ей дорогу, Димка свернул на лифтовую площадку, сошёл по лестнице на один пролёт и там закурил между этажами, усевшись на подоконник. Стекло заиндевело. На улице был жестокий мороз. Сквозь байковую рубашку Димкину спину леденил ветер, который задувал в щель деревянной рамы.

Только что наступил две тысячи второй год. Димке он не нравился, потому что обещал быть переломным. Поскольку Димка в свои двадцать четыре года был склонен думать, что всё самое интересное и счастливое в его жизни уже случилось и миновало, он не хотел перемен. Что это могли быть за перемены? Все кругом говорили, что назрел мощный глобальный рывок технического прогресса, что он уже происходит. И в прочих сферах прослеживались рывки, но уже другие, очень похожие на предсмертные судороги. Нерадостно было Димке всё это наблюдать. Совсем не об этом были его любимые книги.

По лестнице вверх и вниз шастали больные и медработники. Их обилие означало, что пассажирский лифт не работает. Кто-то стал на Димку ругаться из-за курения. Но с его стороны ответа не прозвучало. Какое там! Он смотрел, как прямо к нему спускается вниз по лестнице Ариана со сво-

им фельдшерским саквояжем. Она шла в лабораторию. И заговорить с ней было нельзя. А Димке хотелось, ибо он был весьма недоверчив. До такой степени, что подчас не верил и самому себе, когда заколачивал в свою голову мысль о том, что всё интересное и счастливое в его жизни уже случилось. Но лаборантка болтала по телефону. И вот что Димка услышал, когда она проходила мимо, чтобы свернуть на следующий пролёт:

– У меня сегодня ночная смена! Нет, завтра днём, естественно, буду спать. А вечером в Строгино поеду. Ну, вот смотри: на Щукинской буду я часов в десять. Трамвай идёт минут двадцать. Стало быть, я опять на Щукинской окажусь не раньше одиннадцати. К тебе приеду в двенадцать или чуть позже. Книжки отдам и сразу уйду, потому что мне нужно будет ещё на метро успеть. Короче, до завтра. Или до послезавтра – я, может быть, приеду в пять минут первого. Ой, забыла тебе сказать! Тут со мной полчаса назад такое произошло! Ты мне не поверишь...

Глава вторая

Покупка нового телефона. Взбешённая Ариана приходит с ним на свою вторую работу, где узнаёт, что с ней очень хочет поговорить офицер угрозыска

Ариана Феликсовна Малявкина была родом из Петербур-

га. Там она и училась на медсестру – только потому, что мама её была медсестрой. Но мама на этом не успокоилась и решила подыскать мужа для своей дочки, притом именно такого, каким был первый мамин жених, который любезно уступил место будущему отцу Арианы. Этого Ариана уже не вытерпела. Ей шёл двадцать первый год. Назанимав денег, она плацкартой перебралась в Москву. Там она сняла комнатку, устроилась на работу официанткой и поступила на исторический факультет МГУ, пройдя жёсткий конкурс. Это у неё вышло благодаря не столько способностям, сколько дедушке. Он был очень известным специалистом по западноевропейскому Средневековью. Члены приёмной комиссии сразу спросили у симпатичной блондинки с родинкой на щеке, имеет ли она отношение к Петру Фёдоровичу Малявкину. Ариана, предвидя такой вопрос, взяла с собой на экзамен отличную фотографию, на которой была запечатлена она, двенадцатилетняя, вместе с дедушкой на рыбалке.

– А где же родинка ваша? – спросил глава приёмной комиссии, передав фотографию двум сидевшим рядом с ним тёткам, которые сквозь очки и вставные зубы начали выражать сопливое умиление.

– Так она у меня появилась позже, – ответила Ариана, – примерно через четыре года.

Ей предоставили место в студенческом общежитии, где хозяйничали клопы, крысы и вахтёры, принципиальность которых по части мальчиков могла выдержать столкновения

даже с полным стаканом водки. С бутылкой – нет. Вскоре Ариане благодаря случайности посчастливилось получить вторую работу – ту самую, лаборанткой. Хоть её приняли на полставки, времени для учёбы уже совсем не осталось. В конце две тысячи первого Ариана взяла в университете академический отпуск до сентября будущего года. Ей стало немного легче. Совсем чуть-чуть. Вот как обстояли её дела, когда она с саквояжем шла вниз по лестнице и болтала с приятельницей, которая ей дала почитать две книги про шахматную теорию.

– Любопытно, – отозвалась приятельница, вполне терпеливо выслушав пересказ дискуссии со священником, – даже очень. А ты зачем собираешься в Строгино?

– Как раз за твоими книгами, – объяснила нехотя Ариана. – Андрюшка их у меня стащил, когда я спала.

– Кто стащил? Твой бывший? Я бы убила ту тварь, которая пропустила его в общагу! Он в Строгино живёт?

– Да, на улице Исаковского.

– Всё понятно. Слушай, Малявка! А ты не переиграешь? Я в половине первого отвалою по важным делам.

– Нет, я не переиграю, – довольно резко ответила Ариана и пресекла этот разговор. Ей стало обидно почти до слёз. Тоже мне, подруга! Ей – про серьёзное дело, она – про книги. Что из-за них трястись? Сказала, что привезёт – значит, привезёт! Куда они денутся?

Сдав пробырки в лабораторию, Ариана попила кофе с дев-

чонками, причесалась, переделалась, вышла под розовое январское солнце и по хрустящему снегу стремительно зашагала к метро, выдыхая пар. Часы на столбе показывали уже двадцать минут пятого, и мороз был градусов двадцать. Все пешеходы почти бежали, красные и дрожащие. Прибавляла шаг и Ариана. Полусапожки с очень высокими каблуками, тёплые брюки, шапка и пуховик поверх свитера защищали её от холода только первые три минуты. К счастью, ещё через три минуты её согрело метро, также источавшее пар из своих глубин.

Несмотря на мрачное настроение и дурные предчувствия, Ариана твёрдо решила поставить сегодня точку в одном вопросе. Для этого ей был нужен Кузнецкий мост. Там, в салоне связи около ЦУМа, она давно уже присмотрела суперский телефон за четыре тысячи. Её старая "Нокиа" никуда уже не годилась. Каждые два часа её нужно было подзаряжать.

Привычная пересадка с зелёной ветки на Пролетарскую Ариану выбесила. Она показалась более муторной, чем обычно. Народу было полно. Сходя с эскалатора, лаборантка чуть не упала. Подвёл её сапожок на правой ноге. Он вдруг скособочился. Две недели назад, во время покупки, эти полусапожки были как будто бы в самый раз, да вот разносились и стали малость великоваты. Так что ж теперь, их выкидывать?

Продавец в салоне сотовой связи заулыбался ей почти дружески.

– Что, надумали?

– Да, надумала.

Обведя глазами витрину с сотнями телефончиков, Ариана остановила взгляд на своём избраннике и от ярости побелела.

– Уже четыре семьсот?

– Я не занимаюсь ценообразованием, – сокрушённо развёл руками улыбчивый продавец. – Надо было брать вам его вчера. Или в декабре, когда вы на него глаз положили.

– Хватит болтать! – топнула ногой Ариана. – Пишите чек!

Выходя из подлого магазинчика в сумеречную серость Неглинной улицы, она стискивала свои малоубедительные девчоночьи кулаки в кожаных перчатках. Новый мобильник лежал в давно уже приготовленном для него самом недоступном, самом надёжном кармане. Но велико было искушение положить его на бордюрный камень и растоптать. До начала смены, будь она проклята, оставался целый час с четвертью. Ариана решила пройтись пешком до Ленинского проспекта, благо что отрицательные эмоции пламенели в ней как костёр и были сильнее холода. И пошла, синими глазами встречая мерцающие глаза машин, витрин, светофоров. И не заметила, как дотопала.

Знаменитый ресторан "Троя" располагался в самом начале Ленинского проспекта. Чем он был знаменит? Большой головой хозяйки. Владелицу ресторана звали Марина. Она была с чувством юмора. Но порой её шуточки заходили

так далеко, что даже безбашенным амазонкам, к числу которых была формально приписана Ариана, и даже доблестному Ахиллу, которым ей иногда приходилось быть по понедельникам и субботам, делалось боязно. Как-то раз ночная официантка Ленка Троянская, подлинная фамилия у которой была Петрова, от страха чуть не сошла с остатков ума. Когда отмечали день журналиста, Марина велела ей плюхнуться на колени к очень известному борцу с бесами по фамилии Соловьёв – а он был с женой, и бросить ему за шиворот маленького живого крысёнка с острыми зубками, да ещё при этом продекламировать:

Кабы я была царица, –
Третья молвила девица, –
Петь заставила бы я
Бесогона–соловья!

Шутка удалась. Роль царицы Трои, которая, повторяем, блася в истерике у пинающих ног Марины, была исполнена Арианой. Ярко блеснул на её белых волосах золотой венец, и с ролью она справилась блестяще. Праведный Соловей долго бесновался и заливался трелями. Соловья делала губки клювиком, а коллеги по птичнику, коих был полон ресторан, фоткали и ржали. Потом, конечно, был суд. Все знали, что журналист Соловьёв отличается большой жадностью, но Марине каким-то чудесным образом удалось отделаться от

него совсем незначительной компенсацией. Её бизнес не пострадал. Елену Троянскую она крупно оштрафовала за её ту-пость и трусость, а Ариане выдала премию. Вот какая была Марина.

Администрация и охрана скандального заведения состояла, конечно же, из богинь. В тот вечер на фейс-контроле холодно сексапильничали Афина Паллада и Афродита – Ольга и Моника. Хостесом была Гера. Её по паспорту звали Зойка. Все три богини были облачены в белоснежный шёлк и хищно накрашены. Но чуть менее хищно, чем амазонки-официантки, которые в декольтированных хитонах и босиком шастали по залу, обслуживая десяток-другой клиентов. Для семи вечера это было немало. Главный наплыв гостей, как правило, начинался около девяти, а ближе к полуночи в "Трое" вовсе не оставалось свободных столиков.

Из динамиков шелестело что-то похожее на шум моря. Высокомерная Зойка напомнила Ариане, что нынче – долбаный понедельник, и, значит, ей предстоит напялить золотой шлем Ахилла.

– Как он меня задолбал, – вздохнула усталая Ариана, растегнув куртку и улыбнувшись новенькой гардеробщице-Артемиде. – Ну почему даже на Ахилла нельзя взять мальчика?

– Потому, что наша Марина не любит мальчиков, как ты знаешь, – пожала плечами Зойка. – Кстати, она велела тебе сказать, чтоб ты к ней зашла, как только появишься.

– А она сейчас в кабинете?

– Нет, в раздевалке.

– Ну а куда мне ещё идти, как не в раздевалку? – воскликнула Ариана, распахивая перчатки, шапку и шарф по карманам пуховика, чтобы иметь повод как бы случайно вытащить телефон. – Она, вообще, сегодня нормальная?

– Шесть таблеток феназепама плюс одинарный аперитив, – доложила Моника, озадаченно поглядев на новый мобильник в руке Ахилла. Ольга уже всю пыталась его отнять, чтобы рассмотреть. Но безрезультатно. Зойка, сделав божественную гримасу и соответствующий ей жест, дала пояснение:

– Ты обычно сразу идёшь на кухню и пьёшь кампари, ликёр или коктейль кир. Сегодня – не надо... Ой, ты купила тот телефон?

Ариана молча направилась в раздевалку, выказывая всем видом злость и недоумение. Против скромного пьянства официанток владелица ресторана ещё ни разу не возражала. Они ведь были гетерами, амазонками и богинями. Первым вино было нужно для аморальности и экстаза, вторым – для храбрости, третьим – для снисходительности. Здоровый алкоголизм, считала Марина Ерошкина, никому ещё не вредил, кроме окончательных идиотов, которым в принципе вредит всё. Так что с ней случилось?

Гневно влетев в служебную раздевалку, трезвая Ариана подняла крик:

– Госпожа Ерошкина, как вы смеее здесь курить? Слу-

жебная раздевалка – это единственное местечко во всём вашем заведении, где мы можем вдохнуть немного чистого воздуха!

– Хватит умничать, – вяло огрызнулась Марина. Тридцатилетняя, стильная и дурная, она сидела за столиком и следила сквозь сигаретный дым за Ленкой Троянской. Та, высоко задрав упругую задницу, щель которой была предательски обозначена тонкой тканью хитона, тщательно зашнуровывала сандалии. Ариана с ней поздоровалась, доставая из куртки ключ от своего шкафчика. Они были, можно сказать, подругами. Часто пили вдвоём ликёр. Когда трудоёмкий процесс шнуровки был завершён, Ленка распрямилась, взяла блокнот и пошла работать, блистая царским венцом. Марина и Ариана долго хранили молчание. Первая барабанила по столу ногтями. Вторая, отперев шкаф, переодевалась.

– У тебя очень злое лицо сегодня, – подала голос Марина, глядя, как Ариана, сняв чёрные колготки, освобождается от бюстгалтера, – но это даже и хорошо. Тебя ждёт клиент, которого можно и укусить.

– Именно меня?

– Именно тебя.

– И кто он такой?

Глаза бизнес-леди сквозь голубой медикаментозный туман что-то обозначили. Это что-то было ещё более загадочным, чем слова, которые прозвучали:

– Майор угрозыска.

Ариана, естественно, ощутила внутри себя холодок. Однако её лицо осталось бесстрастным. Завязав пояс хитона, она уселась на табуретку, чтобы надеть сандалии.

– Любопытно! И что он тебе про меня сказал?

– Вообще ничего. Он только сказал, что ему нужна Ариана, которая у меня работает.

– Обалдеть! А ты точно знаешь, что он – сотрудник угрозыска?

– Абсолютно! Мы года три с ним уже знакомы. Его зовут Игорь Мельников. Он высокий, худой и темноволосый. Сидит за столиком у окна.

– Знаешь, я купила тот телефончик!

Поднявшись на ноги, Ариана опять взяла телефон, который уже лежал на полочке шкафа, и показала его Марине. Он впечатлил последнюю.

– Неплохой, – сказала она, понажимав кнопки. – Цветной дисплей, фотоаппарат. Так ты поняла?

– Поняла, – ответила Ариана, снова убрав телефон и заперев шкаф. – Но если ты думаешь, что он мутит нечто серьёзное, то не лучше ли...

– Нет, не лучше. Он вполне ясно дал мне понять, что хочет беседовать с тобой там, за столиком.

– Хорошо. Я, может быть, зря надела сандалии?

– Нет, не зря. Ты не амазонка сегодня.

– Так значит, мне надеть шлем?

– Какой ещё к чёрту шлем? – громко психанула Марина. –

Ты моей смерти хочешь, несчастная? Я тебе намекнула, что ему нужно не огородное пугало, а садовая голова! Не знаю, зачем! Но только пожалуйста, Арианочка, не будь дурой!

Внезапно вернулась Ленка. Она примчалась бегом. И была бледна.

– Маринка, дай мне таблетку! Дай, дай, дай, дай! Ты не представляешь – там полный зал кретинов, дебилов и идиотов!

– Опять ты заистерила на ровном месте, – сердито отозвалась Марина, запустив руку в карман зелёной толстовки. – Там сейчас только человек десять! Я тебя скоро выгоню, полоумная!

Ариана уже шла в зал.

Глава третья

Мельников знакомится с Арианой. Он сообщает ей, что она – в смертельной опасности

– Добрый вечер. Меня зовут Ариана, – холодно отрекомендовалась взлохмаченная блондинка с родинкой на щеке, приблизившись к столику, за которым сидел высокий, худой и темноволосый мужчина в смокинге. – Вы готовы сделать заказ?

– Да я его уже сделал. И он мне подан.

Действительно, перед джентльменом стоял бокал с конья-

ком. На противоположном краю стола, перед пустым стулом, стоял более объёмный бокал с ликёром.

– Ликёр для вас, – пояснил мужчина, пристально глядя на Ариану. – Я слышал, вы его любите.

– Да, вы правы, – призналась официантка, – люблю. Но я, к сожалению, на работе.

– Ой, бросьте вы! Марина Валерьевна на сегодняшний вечер освободила вас от работы. Будто не знаете!

Ариана вздохнула и улыбнулась.

– Ну, хорошо. Хотите, чтобы я села?

– Да.

Ариана молча, с покорным видом исполнила пожелание удивительного клиента.

– Меня зовут Игорь Мельников, – сказал тот. – Марина вам объяснила, кто я такой?

– Она мне сказала, что вы – офицер угрозыска.

– И вы поверили ей? Или вам предъявить удостоверение?

– Я не знаю, что вам от меня нужно, – заметила Ариана. – Если вы собираетесь мне устроить официальный допрос, тогда предъявите. А если у вас иные намерения, то вам удостоверение не поможет.

– Вижу, что вы не дура, – задумался офицер. Потом он предложил выпить. У Арианы не было повода и желания отказать ему. Они выпили. Посетителей прибавлялось. Они входили компаниями. В них было немало женщин. Голые пятки дерзко покрашенных амазонок мелькали со страшной

скоростью, потому что одна из официанток, а именно Ариана, нагло бездельничала – пила дорогой ликёр, болтая с мужчиной. Естественно, остальные сбивались с ног.

– Вопрос у меня к вам только один, – сказал Игорь Мельников, всё-таки предъявив удостоверение. – Вы в последнее время не получали угроз? Не чувствовали опасности?

– В каком смысле? – дрогнула голосом Ариана.

– В самом прямом. Подумайте хорошенько, не торопитесь. Странные мелочи не отбрасывайте. Любая из них – даже та, которая показалась вам смехотворной, может иметь решающее значение.

Ариана крепко задумалась. Офицер за ней наблюдал. За его спиной белело, желтело, переливалось огнями Ленинского проспекта сводчатое окно от пола до потолка. Белые огни, светившие сверху, были большими и неподвижными. Остальные еле ползли, слабо проступая сквозь изморозь на стекле. Ленинский проспект всосал в себя транспорта на девятибалльную пробку. Обычный вечер вполне обычного понедельника.

– Ничего не могу сказать, – подвела итог своим размышлениям Ариана. – Простите, но это так.

Мельников вздохнул. Слева от него на столе лежала пачка "Парламента" и зелёная зажигалка. Он закурил.

– Хорошо. Но жаль. Мне трудно вам передать, моя дорогая, как вы меня огорчаете.

– Почему?

– Потому, что вас зовут Ариана.

– Я вас не поняла.

Мельников хотел объяснить, но тут вместо склизкого джазового релакса вдруг заиграл внятный и красивый медляк. Сразу на танцполе возникло несколько пар.

– А можно вас пригласить? – поинтересовался Мельников. Он был очень хорош собой. Ликёр Ариане по мозгам дал. И она ответила так, как считала правильным отвечать в таких ситуациях:

– Хорошо, мой друг. Но если я сделаю вам приятное, вы мне потом сделаете подарок?

– Сделаю, сделаю, – улыбнулся оперативник и, погасив сигарету, встал. Радостно вскочила и Ариана. Он деловито взял её за руку. Амазонка по имени Ираида, которая пробежала мимо, сменила пепельницу и нежно шепнула на ухо Ариане матерное ругательство.

Мельников оказался таким умелым и ароматным партнёром, что Ариана прижалась к нему несколько плотнее, чем это было уместно в такой двусмысленной ситуации. Но особенно расслабляться в танцевальном экстазе с красивым сорокалетним мужчиной ей не пришлось, потому что он сообщил ей сразу:

– За месяц на территории Петербурга, Москвы и их областей убито пять девушек с именем Ариана. Не Марианна, не Ариадна, а именно Ариана. Девушек похищали, потом они были найдены со следами пыток. Теперь вы всё понимаете?

По спине Арианы пробежал холод. Она с мольбой подняла большие внимательные глаза.

– Это вы так шутите?

– Я похож на полного идиота? – с внезапной строгостью спросил Мельников.

– Не похожи.

– Тогда подумайте ещё раз. Вам не угрожали? Вас не преследовали? Похитить вас не пытались?

– Да нет же! Нет!

Медляк вскоре завершился. Заиграл вальс. Это Ариане было уже не по силам. Она решительно потащила Мельникова к столу. Там он заказал ещё одну порцию коньяка и бокал ликёра для Арианы. После того как выпили, Ариана пролепетала:

– Послушайте, я от вас сегодня сойду с ума! Скажите мне, если знаете, почему убивают именно их?

– Судя по всему, ищут Ариану чуть старше двадцати лет, которая что-то знает. О ней убийцы знают лишь то, что она – чуть старше двадцати лет, и то, что зовут её Ариана. Имя довольно редкое, так что шансы у них хорошие. Здесь, в Москве, похищены и убиты две Арианы.

– И их обеих пытали?

Мельников закурил.

– Послушайте, Ариана! Я не веду это дело, скажу вам честно. Знаете, почему я выложил вам за рюмкой ликёра оперативную информацию? Только потому, что Марина –

моя близкая знакомая. Можно даже сказать, подруга. А вы у неё работаете. Понятно?

– Но что мне делать? Ведь получается, мне нельзя теперь без охраны!

– Очень даже возможно, что это так. Но у меня нет полномочий выделить вам охрану. А те, у кого эти полномочия есть, вам её не выделяют.

– Почему?

– Потому что им на вас наплевать. И я не могу изменить это положение дел. Не могу, поверьте.

У Арианы вырвался стон. Погасив окурок, Мельников поманил к себе Ираиду и попросил счёт. Она его принесла. Доставая деньги, оперативник вынул визитку и протянул её Ариане.

– Возьмите. И не теряйте. Если вдруг что, свяжитесь со мной. А самое главное – будьте благоразумны и осторожны.

– Что это значит?

– Ну, не ходите по малолюдным местам, особенно ночью, и избегайте общества незнакомцев. Про всякие там машины, лифты с мужчинами и не только, а также про отпирание двери кому попало я вообще молчу. Это идиоту понятно.

– Все эти меры предосторожности ничего не дадут! – воскликнула Ариана, пряча визитку в карман своего хитона. – Я приговорена! Боюсь, что мне нет спасения.

– Почему вы так полагаете?

– Потому, что я бросила вызов чёрту!

И Ариана довольно сбивчиво рассказала о своей встрече с кротким священником. Игорь Мельников её выслушал, а потом позвал опять Ираиду и рассчитался с нею, сказав, что сдачи не надо. Когда она удалилась, он возразил:

– Я ведь вам сказал, что всё это продолжается уже месяц.

– Да хоть сто лет! Чёрт – вне времени!

– Если так, то будьте сильнее чёрта. Мне почему-то кажется, Ариана, что вам это по плечу. Ахилл вы, в конце концов, или не Ахилл? Нельзя быть Ахиллом только по понедельникам и субботам.

– Вы издеваетесь надо мной!

Это Ариана крикнула громко. По счастью, громко играла и танцевальная музыка.

– Издеваюсь? – повторил Мельников. – Вы неправы. Я вам сочувствую. Но помочь ничем не могу. Пока не могу. Возможно, смогу потом, если подвернётся зацепка. Ну а сейчас вы должны спасать себя сами. Друг у вас есть?

– Нет!

Немного ликёра в бокале ещё осталось, но Ариана решила его не пить. Догадываясь, что Мельникову пора, она заявила:

– Знаете, даже если последняя Ариана и была той, за которой они охотятся – я уверена, что она ничего не сказала им.

– Всё возможно, – пожал плечами оперативник. А после этого, положив на стол крупную купюру, он встал и вышел из ресторана. Хоть Ариана была в расстроенных чувствах,

купюра за один миг перекочевала в её карман. Это был подарок, который она хотела.

Глава четвёртая

Разговор в общежитии. По итогам этого разговора Света дарит Малявке складной беспонтовый нож

Кое-как успокоив разгневанных небожительниц и Мари-ну, которая от большого волнения проглотила целую горсть таблеток, а после этого отпахав нелёгкую смену и без особого удовольствия съев четыре порции плова с соевым соусом, Ариана отправилась в общежитие. Находилось оно в Текстильщиках, на унылой и серой улице. Женский корпус, как и мужской, был шестиэтажным. Он своим обликом соответствовал улице. Это здание впечатляло крайней своей неприглядностью даже тех, кто прибыл в столицу из Заполярья. На проходной в то утро дежурила тётя Маша, такая же неприглядная. Да ещё и непьющая. Это качество неизменно удерживало её в одном настроении, а конкретно – всех выводить на чистую воду.

– Здравствуйте, тётя Маша, – выдохнула усталая Ариана, остановившись перед вертушкой. – Пропуск вам показать?

– Я не дура – вижу, что пропуск ты пропить ещё не успела, – оторвалась от газеты пенсионерка и дала знак, что можно пройти, – а совесть и ум, кажется, уже пропила! Алкаши

не деньги ведь пропивают, а ум и совесть.

– Теперь-то я понимаю, как вы сохранили трезвенность, – нанесла удар Ариана и, проскочив вертушку, быстро взошла на второй этаж. Ей вслед гремели угрозы сегодня же подать жалобу коменданту, секретарю и ректору МГУ, а на послезавтра вызвать инспекторов.

На втором этаже было двадцать комнат, четыре кухни с четырьмя плитами в каждой и ровно столько же санузлов с очень неудобными душами. В одной комнате с Арианой жила Светка Елисеева – тоже вечно взъерошенная блондинка, только чуть более плотная и высокая, метр семьдесят шесть. Учились они также в одной группе. Света была скрытным человеком, но как-то раз всплыла информация, что она москвичка, а её папочка – прокурор.

– Как же ты оформилась в общежитие? – удивлённо спросили девочки. – И зачем?

– Да вот как-то так, – объяснила Света и покраснела. Но к ней продолжили относиться дружески, потому что она была неплохая.

Скрипучий путь по длинному коридору вызвал у Арианы лёгкое беспокойство, так как из комнаты Тани Груздовой и Наташи Шварц звучали одновременно сразу две музыки – «The Prodigy» и Шопен. Это означало, что две соседки опять поссорились и изничтожают одна другую. Из туалета вышла Алиска Стрелкина.

– О, Малявка, привет! – сказала она.

– И тебе привет, – ответила Ариана, не останавливаясь.

– Ты спать?

– Да. Всю ночь работала.

– Ну, желаю тебе успеха, – хмыкнула Стрелкина, расплываясь иронией до ушей, которые парусили при сильном ветре. Войдя к себе, Ариана сразу же поняла, что она имела в виду. Света Елисеева, в джинсах лёжа на животе поверх одеяла, читала книгу. А рядом с ней на стуле сидела Настя Молчанова, легкомысленная шатенка из восьмой комнаты. И не просто, гнида, сидела, а, задрвав ногу, пилила ногти на ней предметом, в котором взвинченная, измученная Малявка признала собственную свою пилочку для ногтей, взятую из тумбочки. И ещё кое-чем занималась Настя, а именно – не оправдывала свою фамилию. Это было её любимым занятием.

– Лошади для меня – это просто всё! – бляела она, упорно не замечая, что Света злится. – Они меня понимают гораздо лучше, чем люди! Когда я сажусь на лошадь, она всегда подгибает ноги, чтобы мне было удобнее на неё...

– Да ты просто вешишь семьдесят килограмм! – не сдержалась Света, перевернув страницу. – Тут бы и у слона подогнулись ноги!

– Не ври, не ври! Я вешу шестьдесят семь, а рост у меня – почти метр восемьдесят! Я выше тебя! Об этом ты забываешь, Светочка? Ой, Малявка, привет!

– И тебе привет, – ответила Ариана. Желая сделать Свете

приятное, она громко запела песню "Нас не догонят!" и начала раздеваться, чтоб пойти в душ. Но Настя не замолчала. Повысив голос, она завела рассказ про кота, который залез к ней в форточку. И при этом пилочка продолжала грызть её ногти. Надев халатик и шлёпанцы, Ариана вручила свой новый мобильник Свете, чтоб та его сберегла. Вслед за тем она достала зубную щётку и пошла в душ.

Вернувшись, она была вынуждена констатировать, что всё в комнате стало гораздо хуже, чем было. Молчанова не заткнулась, не прекратила эксплуатацию пилочки. Плюс к тому – на её, Арианиной, идеально чистой постели сидела Стрелкина. Да ещё и брэнчала на своей глупой гитаре, обклеенной фотографиями рок-звёзд! Надо было что-то предпринимать, потому что нервы у Светы, судя по остроте сухожилий под её пятками, были очень сильно натянуты. А гнев Светы мог быть ужасен. Она могла разнести к чертям всю общагу. Вырвав у Насти пилочку, Ариана тихо сказала:

– Вон!

Молчанова замолчала и опустила ногу. Стрелкина перестала играть. Обе изумились.

– Вон! – повторила с бешенством Ариана. – Обе, немедленно! Пошли на ...!

– Но почему? – возмутилась Стрелкина. – Что за ярость? Ты ведь ещё не спишь!

– Нет, я уже сплю! Поэтому вы до сих пор не вылетели в окно!

Обе легкомысленные особы были потрясены. Услышать такое от Арианы! Что с ней случилось? Так как она продолжала буйствовать, две подруги, встав, с тихими угрозами пошли к двери. Молчанова была в брюках, кофте и босиком, Стрелкина – в пижаме, тапочках и с гитарой. Когда скрипучая дверь за ними захлопнулась, Ариана спрятала пилочку, забрала у Светы свой телефон и влезла под одеяло, не сняв халатика. Было холодно. Елисеевский рот отсвечивал синевой. Однако у Светы была особенность: размышляя, она не чувствовала ни холода, ни усталости, ни обиды. Сейчас, судя по всему, ей было уже пора делиться итогами размышлений. Решительно закрыв книгу про древний Рим, Света потянулась, приподнялась и стала усаживаться как Будда. Её красивые ноги были феноменально гибкими. Ариана даже залюбовалась сложной посадкой.

– Как у тебя дела? – спросила она, заметив на лице Светы красное нетерпение начать сплетничать.

– Я устроилась на работу, – быстро проговорила Света. – А ещё, кажется, я придумала, как мне следует поступить, чтобы этот нудный болван от меня отстал окончательно!

– Ты про Рому? – брезгливо пискнула Ариана, не сразу припомнив имя бывшего жениха Елисеевой.

– Разумеется. Он опять меня достаёт! Сегодня звонил восемь раз уже. Я решила...

– Что тут решать? Сим-карту смени, да и все дела!

– Это не прокатит! Он будет дёргать моих родителей, и

сюда их ещё притащит!

– Можно подумать, они до сих пор не знают, где ты живёшь! Чтобы это выяснить, твоему папаше нужно минуты две.

– Безусловно, знают! Но без серьёзного повода не попрутся они сюда. Они понимают: это бессмысленно. А вот Рома может их накрутить, и они припрутся! Будет скандал на всё общежитие.

Ариане сильно хотелось спать. Зевая, она поинтересовалась:

– Ну так и что ты придумала?

– Я решила комнату снять.

Не успела Света это сказать, как её мобильник, который лежал на тумбочке, зажужжал. Взглянув на определившийся номер, Света убрала звук.

– Опять он звонит! Малявка, ты слышала? Я решила комнату снять!

– В обычной квартире?

– Да. А почему нет? Ведь я же уже работаю!

– Где? И кем?

Света улыбнулась и задрала симпатичный нос.

– Ну, типа, рекламный бизнес.

– Вижу по твоему лицу, что это за бизнес! Будешь расклеивать объявления на столбах?

– Ну и что такого?

– Да ничего.

Тут у Арианы мелькнула некая мысль, и она задумалась. В этот миг слегка приоткрылась дверь, и в комнату заглянула Даша Луценко из девятнадцатой. Она поинтересовалась у девочек, нет ли здесь её чайника. Девочки ей сказали, что нет, и никогда не было, и не будет.

– Я очень быстро хожу, – продолжала Света, когда Луценко закрыла дверь, – за полдня могу всю Москву объявлениями обклеить! А есть очень интересные объявления. Например: продаётся дом. Мне все говорят, что дом надо строить, чтобы всё в нём было именно так, как нужно тебе. А я не хочу, чтобы в доме всё было так, как мне нужно! Я вот хочу, чтоб всё было так, как задумал тот, кто выстроил этот дом двести лет назад! Хочу, чтобы была печка, чтоб дом был старый, чтоб он скрипел весь от древности! И неплохо, если с ним связаны разные всевозможные удивительные истории, тайны, мистика! А ещё мне хочется, чтобы ветки столетних яблонь ветреными ночами скреблись в дубовые ставенки! Ночной шелест деревьев в старом саду мне расскажет больше, чем...

– Слушай, Светка, – оборвала Ариана мутный поток сознания, вдохновительницей которого, по всей видимости, была Молчанова Настя, – моя подруга пару недель назад сняла очень неплохую двухкомнатную квартиру в Перово. Мне почему-то кажется, что одной ей тяжело платит. Я сегодня ночью к ней еду отдавать книги. Если желаешь, спрошу, не хочет ли она взять соседку для экономии.

– Ну, спроси, – согласилась Света, опустив нос. – А ты хорошо её знаешь?

– Да, очень хорошо. Она этой осенью у Маринки работала, а потом ей там надоело. Это она помогла мне устроиться лаборанткой. В больнице все её знают.

– Но если ей тяжело платить за двухкомнатную квартиру, то почему она не сняла однокомнатную?

– Ей срочно нужно было жильё. Что под руку подвернулось, то и схватила. Ты сама знаешь, что по аренде квартир сейчас дефицит. Риелторы берут треть.

Света призадумалась.

– Любопытно. А она сколько платит за эту хату?

– Пятнадцать.

– Это нормально. Семь с половиной я заработаю. Я надеюсь, она не сильно старше меня?

– Нет, на пару лет. Ей двадцать четыре – не то исполнилось, не то будет в этом году. Да, точно, ей двадцать три!

– Это то, что надо! Надеюсь, она не курит?

– Вообще, курит. И ещё как!

– Ну и пускай курит. Спроси, спроси у неё, не надо ли ей соседку! Как у тебя прошла ночь?

Ариана уже давно ждала этого вопроса. И рассказала. Конечно, не обо всём, а только о разговоре с оперативником. Но подробно, не упуская ни одной фразы. Света оцепенела.

– Да это бред! – крикнула она. – Самый настоящий!

– Ты можешь так не орать? Это не похоже на бред.

– Это он и есть! Ты не допускаешь мысли, что этот мент навешал тебе лапши, чтобы закадрить? Я спрошу у папы! Если эти убийства с пытками происходят или происходили, он про них знает.

– Светка, не вздумай этого делать! Я не хочу подставлять майора. Маринка мне поклялась, что на него можно положиться. Он попытался меня спасти. Сделал всё, что мог. Большое спасибо ему за это.

Света опять погрузилась в какие-то размышления, сдвинув брови на переносицу. Её розовые подошвы, повёрнутые к облезлому потолку, казались такими же напряжёнными, как и её красивое, но не слишком глубокомысленное лицо с длинными глазами, немного вздёрнутым носом и выразительным ртом. Туман застилал глаза Арианы. Она уже погружалась в сон, когда вдруг услышала:

– Ариана, а почему ты к ней едешь ночью?

– Мне надо выспаться, – был ответ, – а вечером я в Строгино поеду, к Андрюшке.

– К этому идиоту? Опять? Зачем?

– Чтоб книги забрать. Он их у меня здесь стащил, когда я спала.

– Я вечером занята! – воскликнула Елисеева, громко хлопнув себя руками по пяткам. – К часу мне надо быть в университете! Ведь если я опять пропущу английский и пару по философии, то декан пожалуется родителям, и они меня задолбают! А в шесть часов я иду с Глебовым и Лыткиным

на концерт!

– Ты мне не нужна, – досадливо пресекла вопли Елисейевой Ариана, перевернувшись на другой бок. – Заткнись и дай мне поспать! И если не трудно, поставь, пожалуйста, свой будильник на восемь двадцать.

– Вечера?

– Да. Объясни будильнику, что он должен зазвонить вечером, а не утром.

Соскочив на пол, Света поставила свой советский громоздкий будильник на восемь двадцать. Только такой будильник мог выдернуть Ариану из рук Морфея. Сотовый телефон с этим не справлялся. Всё продолжая о чём-то тягостно размышлять, Света пробежалась из угла в угол. Потом она приблизилась к шкафу и, распахнув визгливую дверцу, вынула из кармана пальто перочинный нож с красной перламутровой рукояткой и белым крестом на ней.

– Пускай этот ножик будет с тобой, – сказала она, со стуком кладя милую вещицу на тумбочку Арианы. – Он беспонтовый, но внешне очень красивый и выкидной. Нажимаешь кнопочку – из него вылетает лезвие.

– Поняла, – ответила Ариана уже сквозь сон. И через минуту она спала. А Света задумчиво собиралась на философию и английский, так как декан действительно мог пожаловаться родителям. Не скандала она боялась, но сама жалоба ей была бы до крайней степени неприятна. Какого чёрта жаловаться родителям, от которых она ушла навсегда?

Глава пятая

Ариана становится жертвой уличной кражи, и Димка тут же спасает её от неизмеримо более страшной беды

Будильник справился со своей задачей великолепно, и Ариана была на Щукинской ровно в десять. А Димка выбежал из метро через пять минут. Да, именно выбежал. Опоздал он из-за того, что поезд в туннеле долго стоял. К вечеру мороз посуровел до двадцати восьми градусов. Прогнозировали, что утром будет под сорок. Рынок возле метро уже не работал, но почти все киоски ещё светились, и город вокруг шумел. Людей было много. Небо над городом зеленело, мерцало, и снег повсюду искрился. Многие пешеходы от стужи тёрли носы. У Димки была больная нога. Она уцелела только благодаря Евгению Владимировичу. Но расстроенный Димка решил её не щадить. Стремительно дошагав до крутых ступенек, которые вели вниз, к трамвайным путям, он остановился, скользнул глазами по небольшой толпе ожидающих, и – застыл. Там, под фонарём, была Ариана. Она стояла справа от остановки и оживлённо болтала по телефону, постукивая ногой о другую ногу. Кроме неё, трамвая на Строгино мучительно дожидались два–три десятка людей. Однако трамвай даже не виднелся.

Димка, конечно, возликовал. Но пришла растерянность.

Как заговорить с Арианой? Как подойти? Узнает ли она его? Вряд ли – если, конечно, он не разденется перед ней. Ведь она глядела только на его бок! Стоять было невозможно. Посмотрев вдаль, на тихий район за небольшим сквером и плотном железной дороги, Димка начал спускаться по ледяным ступенькам. И тут вдруг случилось то, что он в первый миг расценил как галлюцинацию, вызванную морозом, который при каждом вдохе через хрустящие ноздри обжигал мозг.

А что же это ещё могло быть такое, если не сон наяву? Какой-то щуплый тинэйджер в рэперских шароварах, вдруг появившись невесть откуда, выхватил из руки Арианы новый её мобильник. Раньше, чем Ариана опомнилась, вор с добычей был уже далеко. Со спринтерской скоростью прохрустев модными ботинками по тропинке между двумя сугробами, он юркнул в тусклую дыру подземного перехода. Это был переход под железнодорожной линией. Вёл он в тихий район за небольшим сквером.

Два–три десятка людей, которые ожидали трамвая, подняли крик возмущения. Но и только. Никто из них, кроме Арианы, с места не сдвинулся. Ариана же устремилась вслед за грабителем. На ней были полусапожки с очень высокими каблуками. Уже на третьем шагу правый скособочился и слетел. Но вместо того чтобы его надеть, жертва ограбления сняла левый. Оставив оба предмета обуви на снегу, она побежала дальше к подземному переходу и вскоре ис-

чезла в нём. Конечно же, на ней были колготки либо носки, наверняка тёплые, но при виде этой картины Димке сделалось тягостно. Соскользнув вниз по лестнице, он помчался за Арианой. Раньше чем он успел пересечь трамвайные рельсы, шустрая старушонка в шубе изнутри, ковылявшая к остановке, подобрала оба сапожка и вдвое быстрее заковыляла уже к метро. Димка ограничился тем, что громко назвал её старой мразью. Ведь Ариане грозила опасность гораздо большая, чем потеря дорогой обуви! Вдруг у вора в кармане нож? Или на другом конце перехода дежурят его приятели? Словом, Димка, чуть приволакивая больную ногу, ринулся в переход.

Тот был уже пуст. Его освещали жёлтые лампы. Если бы Ариана была в сапожках, Димка услышал бы стук её каблучков по верхним ступеням лестницы на подъёме из подполья. Она ещё была там. Спустя полминуты поднявшись на те ступени, Димка увидел её бегущей среди деревьев к пятиэтажкам за узкой и пустой улицей. Это был Полесский проезд. Тинэйджера видно не было. Очень сильно ныла нога у Димки. Но он бежал почти так же быстро, как Ариана. Пересекая улицу, он услышал, как под ногами что-то захлопало. Пригляделся. Да, так и есть – проезжая часть была обработана реагентами. Под лучами бледных окраинных фонарей блестело химическое болото. И Ариана перебежала его без обуви!

Очутившись между пятиэтажками, он опять её потерял.

Дворы были тёмными, без единой живой души. И это не удивляло – лютый мороз, почти ночь. Димка побежал наудачу, петляя среди длинных корпусов, машин, гаражей и детских площадок. Он иногда останавливался, чтобы вслушаться в темноту, которую только возле домов прокусывали насквозь белые клыки фонарей. Но всё было без толку. Темнота слилась с тишиною. На тротуарах тесно и криво, приткнувшись одна к другой, стояли машины. Они, казалось, глядели в спину бегущему человеку, смаргивая с глаз изморозь.

Поддаваясь боли и панике, Димка остановился под фонарём, посреди двора. Да, он замерзал. Вместе с Арианой. Какое вместе! Всего лишь одновременно с нею. И он тогда прокричал, заставив морозный воздух звенеть до самых высоких крыш:

– Ариана! Где ты?

Она вдруг отозвалась. Она оказалась буквально в пяти шагах за его спиной. Это было чудо. Через мгновение он уже держал её на руках и, сходя с ума, на уровне бреда путался во вранье – я, дескать, увидел тебя в больнице, а здесь, на Щукинской, я по делу, издалека узнал, захотел помочь, ну и всё такое. К счастью, ей было не до того, чтобы устанавливать его личность и достоверность жалкого лепета. Обе пары её носков были насквозь мокрыми. В минус тридцать! Она их быстро сняла, бросила на снег. Потом сняла шапку и кое-как натянула её на голые стопы, сначала вытерев их внешней

стороной. Потом она крикнула, со слезами глядя ему в глаза:

– Пожалуйста, если можешь, как-нибудь донеси меня до трамвайной линии! Там остались мои ботинки!

– Их больше нет! Их украли.

– Украли? Ты это видел?

– Да.

– Тогда донеси меня до дороги! Только быстрее, иначе я останусь без ног!

Димка зашагал – как ему казалось, к дороге. Хоть Ариана весила мало, он всё же чувствовал, как в рубашку впитывается кровь. Самый страшный шов разошёлся. Ну а с ногой творилось такое, что приходилось стискивать зубы, чтобы не застонать.

– Да нет, не туда! – воскликнула Ариана, тонкой рукой обняв его шею. – Вон за тот дом сверни, потом иди прямо! Что у тебя с ногой? Почему хромаешь?

– Она после операции, – еле слышно вымолвил Димка, сворачивая за корпус. – У меня сахарный диабет, флегмона была. Евгений Владимирович над ней поработал.

– Что? Тебя оперировал мой начальник? Ты его знаешь?

– Очень хорошо знаю. Он мне ещё одну операцию делал, после автомобильной аварии. Два ребра вытащил из лёгкого. Ты вчера в ординаторской могла видеть его работу.

– Это был ты? – вздрогнула от ужаса Ариана. – Ставь меня на ноги! Быстро ставь! Я пойду сама! У тебя все швы разойдутся!

– Не бойся, не разойдутся. Лучше тебе замолчать. Мне так будет легче.

Ариана расплакалась, но послушно закрыла рот. И Димке, действительно, стало легче. Вскоре он дотащил её до дороги, которую они оба пересекли минут двадцать пять назад. Дорога была пуста. За нею и сквериком грохотал товарный состав. Когда он отъехал, среди деревьев стали видны огни оживлённых улиц, которые примыкали к метро.

– Наверное, нам придётся топать до Щукинской, – сказал Димка, остановившись перед дорогой. – Нет ни одной машины. И не предвидится. Что за стрёмное захолустье?

– У тебя нет с собой телефона? – всхлипнула Ариана.

– Нет, я впопыхах дома его оставил.

Тут они оба прислушались. И не зря. С левой стороны доносился шум мощного мотора. Он нарастал. Вскоре появился автомобиль, да ещё какой! Это был большой белый "Мерседес" с тонированными стёклами. Он свернул с перпендикулярной улицы и стремительно приближался, расплёскивая химическое болото. Дрожащая Ариана, одной рукой продолжая обнимать Димку за шею, стала махать другой. Красивый автомобиль резко сбавил скорость. На его правом крыле ярко замигал поворотник. Когда машина остановилась, Димка направился к ней, уже из последних сил неся Ариану.

– К задней, к задней двери, – взволнованно прошептала та ему на ухо, – и сядь рядом! Мне очень страшно!

– Бояться нечего, – сказал Димка. Ему пришлось слег-

ка наклониться, чтобы его спутница дотянулась до дверной ручки. Ей это удалось. Дверь легко открылась.

– В Текстильщики отвезёте? – крикнула Ариана в машину. Ей, судя по всему, ответили утвердительно, и она сняла шапку с ног, вернула её на место. Её ступни были белыми, как у мраморной статуи Афродиты, а ногти – красными. Но от действия реагентов лак начинал слезать. Это было видно. Усадив девушку, Димка мягко захлопнул дверь и стал обходить машину, чтобы расположиться слева. Но "Мерседес" вдруг сорвался с места, обрызгав Димку дорожной химией. Со звериным протяжным рёвом он набрал скорость и двумя красными точками ушёл в ночь, которая отливала морозной зеленью. И опять стало очень тихо.

Димка был ошарашен до такой степени, что на номер даже и не взглянул. Несколько минут постояв, он пошёл к метро. Спустившись под землю, он обратился к дежурившим милиционерам. Они ему объяснили, что похищения не было, потому что дама села в машину без принуждения, а он, Димка, даже не знает её фамилию, из чего можно заключить, что он ей – не муж, не родственник и не друг.

Глава шестая

Лекция по истории и экзамен по анатомии. Ариана горько сожалеет о том, что Димка не дотащил её до метро

Ариана ввела Димку в заблуждение, чтобы сделать ему

приятное, дать ему окончательно утвердиться в мысли, что он – герой. Ей не было страшно. Ей было больно. Будучи медработником, она знала, что отморозила ноги не до гангрены. Об этом ей говорила именно боль, которая так пульсировала в ступнях, что было понятно: кровь пробивается к пальцам, и они живы. Да, это была боль победы над смертью, а не предсмертная. Ариана даже не стала растирать ноги. Ей было очень тепло. Сказочно тепло. И большой удачей казалось то, что хромой мальчишка не сел в этот "Мерседес". Он ведь с ней намучился! Ему нужно ехать домой, а завтра – в больницу. Там, вероятно, они и встретятся. Это радовало. А вот огорчало, конечно, то, что и телефон, и полусапожки потеряны навсегда. Завтра будут слёзы. Но это завтра. Сегодня же босоногой блондинке с родинкой на щеке и вечно торчащими во все стороны волосами хотелось просто сидеть и просто сходить с ума от тепла.

Это не мешало приглядываться к водителю. Он, как и его "Мерседес", был крепким блондином довольно молодых лет, с приятным лицом. Тонкий чёрный свитер плотно обтягивал его туловище и руки с мускулатурой атлета. Движения этих рук на руле были очень чёткими и уверенными. Таким же и даже чуть нагловатым казался взгляд, который Малявка перехватила в салонном зеркале. Но, встретившись с ней глазами, блондин мило улыбнулся и произнёс:

– Я вижу, вы не обиделись на меня за то, что я не дождался этого парня? Значит, я правильно понял, что вы с ним –

чужие люди.

– Как интересно! – хихикнула Ариана, вдруг ощутив головокружение от блаженства. – И это – всё, что вы поняли?

– Нет, конечно. Легко было догадаться, что вы попали в беду и он вам помог.

– Совершенно правильно. У меня украли сотовый телефон, и я потеряла свои ботинки, когда погналась за вором. Гибель была бы моим ногам, если бы не этот прекрасный мальчик, который взял меня на руки и донёс до дороги! Но неужели было заметно, что мы с ним даже не познакомились?

– Да, мне было это заметно, – небрежно сказал водитель, – я ведь психолог.

– Правда? Я почему-то сразу так и подумала. Полагаю, что вы достаточно крупный специалист в сфере психологии, раз купили такой роскошный автомобиль!

– Я не дипломированный психолог. Но неплохой. Вам наверняка приходилось слышать о том, что следователь не может не быть психологом.

– Так вы следователь? – ахнула Ариана, всплеснув руками. Ей стало очень смешно. И, не отказав себе в удовольствии посмеяться, она заметила: – Ну а теперь, конечно, самое время предложить даме выпить! И повод есть – девушка продрогла!

– Пожалуй, – кивнул блондин и плавно затормозил перед светофором, чтобы свернуть под стрелку направо. – Как вас

зовут?

– Ариана.

– Меня – Альберт.

– Вы не врётё?

– Нет. А какие есть основания меня в этом подозревать?

– Не очень похожи вы на Альберта. Да и на следователя.

Красавчик спорить не стал. Сделав поворот, он вскоре остановил машину перед ночным магазином около транспортной остановки. Что это была за улица, Ариана понятия не имела. Её головокружение продолжалось, в то время как боль в ногах стала отступать.

– Что будете пить, Ариана? – спросил Альберт, отстёгивая ремень безопасности.

– Ликёр "Бейлиз".

Справа от ручника лежала на кресле куртка с густой меховой подкладкой и капюшоном. Сидя её надев, приятный владелец очень приятной машины, кем бы он ни был, отправился в магазин. Двигатель оставил работающим. Видимо, он действительно был неплохим психологом. Да, смешно! Не сняв кожаных перчаток, которые ещё были весьма холодными, Ариана потёрла пальцами стопы. Они вполне ощутили холод прикосновения. И вот только сейчас, когда за рулём никого не стало, девушка поняла, что в машине тихо играет музыка. Саксофон. Наверное, это был Фаусто Папетти. Или Мишель Легран. Ну что ж, замечательно.

Возвратившись за руль, блондин протянул своей пасса-

жирке полулитровую откупоренную бутылку. Из неё шёл головокружительный аромат.

– Большое спасибо, – мякнула Ариана, сделав глоток. – А вы разве не хотите?

– Я за рулём, – ответил блондин.

– Ах, да! Но разве не все следователи и судьи за рулём пьянствуют, а потом сажают ментов, которые отбирают у них права?

Эта экстремистская клевета осталась без комментариев. "Мерседес" опять уже мчался по ночным улицам. По каким? Теперь, сливаясь с бутылочкой, Ариана вконец утратила интерес к этому вопросу. Она замечала только, что оживлённые улицы иногда сменяются тихими. Может быть, это были даже и переулочки. Ариану слегка угнетала мысль, что она опять не привезёт книги. А ведь её правдивые объяснения будут смахивать на враньё, притом неуклюжее! Ну и пусть. Сейчас не до книг. Ещё неизвестно, чем эта поездка кончится. Ликёр "Бейлиз", красивый тридцатилетний мужчина и "Мерседес", слившись воедино, могут натворить бед.

Мечтательно размышляя про шахматную теорию, Ариана и не заметила, как машина свернула в какой-то пятиэтажный двор и остановилась. Любительница ликёра стала осознавать реальность только тогда, когда молодой психолог вдруг очутился бок о бок с ней, на заднем сиденье. Фары были погашены, но мотор, кажется, работал.

– Да разве это Текстильщики? – задала вопрос Ариана,

поставив бутылку на пол и оглядевшись по сторонам. – Куда ты меня привёз? Я впервые вижу эти дома, эти гаражи!

– Враньё номер три, – дал странный ответ психолог. Он говорил спокойно и благодушно. А после этого он ударил её. Кулаком. В лицо. Удар был не очень сильным, но кровь из носа всё-таки потекла и попала в рот.

– Ты что, ненормальный? – вскрикнула Ариана, пытаясь вытереть нос рукавом. – Ты меня ударил! Я сейчас выскочу из твоей машины и заору!

– Даже не пытайся. Я заблокировал двери.

– Ты заблокировал двери? Но с какой целью? Чего ты от меня хочешь? Скажи, чего?

– Я прежде всего хочу, чтобы ты перестала врать. Ты – врущая и сосущая проститутка. Разве это не так? Быстро признавайся, что это так!

– Когда я тебе врал?

– Когда заявила, что все следователи и судьи – пьющие мрази. Когда представилась Арианой. Разве тебя зовут Ариана?

Тут Ариану большой солёной волной захлестнула ярость. Ей было плевать на то, что её ударили, оскорбили и обвинили в неуважении к тем, кого она в силу воспитания презирала и ненавидела. Но сказать, что она присвоила своё имя – это уж было слишком! Глотая кровь, Ариана выхватила из куртки студенческий.

– На! Смотри! Читай! Читай вслух, жалкое ничтожество

и подонок!

– Действительно, Ариана, – невозмутимо признал блондин, посветив мобильником. – Ариана Феликсовна Малявкина, МГУ. Ого! Исторический факультет?

Спрятав телефон, он довольно вежливо предложил Ариане чистый платок, чтобы она вытерла кровь. Платок был отвергнут. Слегка дрожащей рукой в кожаной перчатке вернув документ в карман, Малявка продолжила вытирать лицо рукавом. Потом она вынула из другого кармана свой носовой платок.

– Да, промашка вышла, – опять раздался голос блондина, – но незначительная. Окей, давай назовём последнюю твою ложь враньём номер два. Согласна?

– Козёл! Какую ещё последнюю ложь? Ты меня достал! Отвали!

– Ты мне заявила, что видишь эти дома впервые. Хочешь сказать, что это не ложь?

Ариана молча плюнула на пол кровью. Она решила не отвечать. О чём говорить с больным?

– Полчаса назад тот мальчишка нёс тебя здесь на руках, – продолжал психолог, немного повысив голос. – Ты здесь была! И всё ты здесь видела! Ясно, быдло?

У Арианы дёрнулся рот. Опустив платок, она ещё раз обвела глазами пятиэтажки справа и слева.

– Это Полесский проезд? И тот самый двор? Ты что, сделал круг?

– Не смей говорить, что я сделал круг! Я не уезжал! Я не лох – тратить на тебя деньги и бензин! Ты – спермососущее насекомое!

Он опять ударил её. Она поняла, что дело серьёзное. Любовь к шахматам завела её далеко.

– Теперь докажи, что ты сам не лжец, – потребовала она, ощупав скулу. – Немедленно докажи! Иначе я не поверю, что ты – не быдло!

– Просьба законная.

Он раскрыл перед ней удостоверение и опять посветил мобильником. Оказалось, что никакой он не лжец – и звали его Альберт, и следователем он, действительно, был. Да ещё каким!

– Рада познакомиться, – не сконфузилась Ариана. Следя, как он запихивает обратно в карман удостоверение и мобильник, она велела себе кисло улыбнуться и продолжать: – А теперь скажи, наконец, чего ты от меня хочешь? Чтоб я разделась?

– Это необязательно. Ты и в одежде прекрасно сделаешь своё дело, спермососущее насекомое!

Ариана цокнула языком.

– Да это улус Джучи! Самый настоящий!

– Улус Джучи? Это что?

– Это кровь из носа.

– Ты опять врёшь?

– Да, я пошутила. Улус – владение, Джучи – старший сын

Чингисхана. Своему старшему отпрыску Чингисхан завещал все земли западнее Урала, которые предстояло завоевать и поработить.

Последняя фраза была цитатой – не то из Карамзина, не то из Ключевского. А возможно, даже из Костомарова. Но не из Гумилёва, которого Ариана считала вралем и шарлатаном. Как бы то ни было, эта фраза психологу не понравилась.

– Ты, животное, оскорбила мою страну, – сказал он с печалью. Третий удар пришёлся под дых. Он был самым страшным. Минуты две Ариана корчилась, сунув руку в карман, а следователь за ней внимательно наблюдал. Когда лезвие ножа вонзилось ему в кадык, он схватил Малявку, и ей пришлось воспользоваться ножом ещё пару раз. Но он всё пытался её душить слабеющими руками, да уж куда ему было! Будучи медиком, Ариана знала, сколько примерно должно быть крови, и удивлялась его активности при её фонтанном обилии. Так она текла и текла, пока он не завалился.

Ликёр пришлось допивать. Лучше было допустить что угодно, только не панику, потому что паника крушит всё. Орудие преступления Ариана тщательно вытерла носовым платком, сложила и убрала в карман вместе с этим самым платком. А труп патриота необходимо было вышвыривать из машины. Или самой её покидать. Второе, конечно, было немислимо. Дёрнув ручку на левой двери, Малявка с радостью обнаружила, что покойничек ей наврал, блокировки не было. От мороза, который опять коснулся носа Малявки,

кровь из него перестала течь. Будто испугалась. Но, может быть, всё это Малявке только почудилось, а реально кровь уже минут пять как остановилась. Труп патриота был тяжёлохонек. Ариана его выталкивала ногами, лопатками уперевшись в правую дверь. Вслед за мертвецом – но гораздо дальше, чёрт знает как далеко, бросила бутылку. Та вдалеке разлетелась вдребезги. Слава Богу! Захлопнув левую дверь и бочком протиснувшись между спинками двух передних сидений, Малявка села за руль. Её пока не трясло. Музыка она решила убрать – не до развлечений сейчас. К счастью, "Мерседес" был с двумя педалями, то есть – с автоматической КПП. Такие штуковины Ариана водить умела. Её учили подруги. Сообразив, каким рычажком на руле включаются фары, она дала резкий старт и двинулась через двор к другой его стороне, надеясь, что там пролегает улица, по которой можно будет доехать до кольцевой московской автодороги. Зачем бедной Ариане был нужен МКАД? Для важного дела. Она решила ехать в Перово. Москву она знала плохо, но как добраться от кольцевой до Перовской улицы, помнила. Таким образом, был у неё только один путь – через кольцевую.

Ей повезло – за тихим кварталом тянулась очень широкая, очень светлая улица. Лихо вырулив на неё, Малявка разогналась и в десять минут добралась до Волоколамки. Сделала поворот. Машин на шоссе было очень мало. Гаишники не дежурили, потому что температура воздуха опустилась до тридцати четырёх. Но пьяный туман в голове Арианы таял,

и все эмоции обострились. Началась паника. Ариана распсиховалась до такой степени, что на двух перекрёстках её босая нога ударила в педаль тормоза, когда ровно и не мигая горел зелёный. Водители ей сигналили. Один даже не поленился что-то сказать, опустив стекло. На красный сигнал светофора автолюбительница без прав, к счастью, реагировала как нужно.

Достигнув МКАДа, она свернула, согласно стрелке, на север. А был ей нужен восток. Путь предстоял дальний. И транспорта, и полос на МКАДе было побольше, чем на Волоколамском шоссе. Непросто было понять, как правильно ехать. И вот беда – топливная лампа стала мигать. Бензина осталось мало. Пришлось заехать на АЗС. Машин там ни одной не было. Также не было и заправщиков. Подрулив к ближайшей бензоколонке, Малявка стала сигналить, чтобы они вышли. Ведь не могла же она босиком, в крови, идти к кассе! И ей опять посчастливилось. Из служебного помещения вышел хмурый мордоворот, одетый в бушлат. Опустив стекло, Ариана быстро утёрла слёзы и протянула сервиснику две сотни рублей.

– На все!

Заправщик взял деньги.

– Давайте ключ, – сказал он.

– Какой ещё ключ?

– От топливной горловины вашей машины.

– Где его взять?

– Попробуйте вытащить из замка зажигания.

Ариане пришлось заглушить мотор, хоть ей не хотелось этого делать. Она боялась, что он потом как-нибудь возьмёт да не заведётся. Но он завёлся, пятнадцать литров бензина в баке прибавилось, и дорога была продолжена. В тридцать пять минут первого по полуночи Ариана благополучно съехала с кольцевой на улицу Молдагуловой. Через десять минут она кое-как поставила "Мерседес" – но не на Перовской, а на соседней улице, вдалеке от транспортных остановок и магазинов. Слезы из её глаз текли и текли. Сняв со своей шеи широкий и длинный шарф, она перочинным ножиком рассекла его поперёк на две половины и тщательно обмотала ими босые ноги. Так обмотала и завязала, чтоб можно было пройти парочку кварталов. Больше не требовалось. Окинув взглядом салон, весь залитый кровью, Малявка вышла из белоснежной машины и, закрыв дверь, бегом устремилась вглубь знакомых дворов, чтобы преодолеть путь по прямой. Ключ она оставила в "Мерседесе".

Людей на улице совсем не было. Это радовало. И вовсе не беспокоило то, что время вплотную подошло к часу, а ждать её обещали до половины первого. Ариана знала свою подругу. Если та пригрозила уехать в двенадцать тридцать – значит, уедет в час. Так происходило всегда. Иначе не могло быть никогда. И точно – знакомый автомобиль во дворе стоял. Подбежав к мусорным контейнерам, Ариана избавилась от перчаток и носового платка. Потом она быстро переложил

ла всё из карманов куртки в карманы брюк, сняла эту куртку и выбросила её, от крови всю заскорузлую. После этого устремилась, дрожа от холода, к одному из подъездов сталинского кирпичного дома. Код она знала. Взбежав на второй этаж, начала трезвонить в первую дверь на площадке.

– Малявка, вон! – ответили ей за дверью. – Я не открою! И я сейчас ухожу!

– Если ты уходишь – значит, откроешь! В окно не вылезешь! Открывай!

– Ты принесла книги?

– Конечно!

Защёлкал тугой замок, и дверь распахнулась.

– Сука, – сказала девушка, не увидев никаких книг в руках Арианы. Потом она посмотрела на её ноги, обмотанные кусками шарфа, подняла взгляд на её лицо. И сделала шаг назад. Это была Рита Дроздова.

Глава седьмая

Рита Дроздова и Ариана Малявкина

Первые двадцать минут Ариана просто билась в истерике. Но она при этом не забывала и про другие свои дела – ей ведь ещё нужно было раздеться, обругать Риту матерными словами и залезть в ванну, которая наполнялась весьма горячей водой. В горячей воде она капельку остыла и начала рассказывать, иногда выхватывая у Риты рюмочку коньяку.

Рита мрачно слушала, сидя рядом на табуретке. Ей поминутно звонили на её сотовый телефон. Она отвечала, что быть сегодня не сможет, а почему – скажет завтра.

– Так значит, ты всё время была в перчатках? – спросила Рита, дослушав повествование Арианы.

– Да, да, всё время! Я не оставила отпечатков в этой машине.

– Я правильно поняла, что тебя в ней видел только тот парень с больной ногой и заправщик, который вряд ли это забудет до конца жизни?

– Ритка, ну что за глупости? Он уже обо мне забыл! Что с блондинки взять?

Рита закурила, положив ногу на ногу.

– Так он точно из ФСБ?

– Кто, следователь? Конечно! Там, в его ксиве, чётко написано: ФСБ!

– И он точно мёртв?

– Абсолютно! Мертвее и быть не может!

Сотовый телефон опять зазвонил. На этот раз Рита даже не сочла нужным ответить. Сбросив звонок, она повторила, глядя в глаза Ариане:

– Он точно мёртв?

– Абсолютно! – хлопнула Ариана ладонью по мыльной пене. – Я медсестра!

– Ты кретинка.

Взяв из руки Арианы рюмку, а с пола – почти пустую бу-

тылку, Рита ушла.

– А что мне ещё оставалось делать? – взвизгнула Ариана. – Ты бы что сделала, окажись ты в этой машине?

– Я бы не оказалась в этой машине. А если бы оказалась, поехала бы за книгами! И сюда бы их привезла. Ты знаешь, как мне нужны эти книги!

– Ты ненормальная!

– Сама дура! Думаешь, я штудирую шахматную теорию для того, чтобы играть в шахматы?

– Ты больная! Ты мерзкая! Я сейчас утоплюсь!

Рита промолчала. Она курила, сидя на кухне перед остывшим кофейником. Новый рёв Арианы проходил мимо её ушей и не раздражал. К тому же, он вскоре кончился. Когда голая Ариана, выйдя из ванной, спросила, где можно взять верёвку, чтобы повеситься, Рита ей спокойно ответила:

– Вынь шнурки из моих ботинок. Или возьми поясок халата. Но если ты уже утопилась, тогда повесься около батареи. Я угощу всех дворовых кошек сушёной воблой.

– Дроздова! Я не хочу в тюрьму!

– Не бойся, тюрьма тебе не грозит. Повесившихся утопленников, как правило, отправляют в другое место.

– И в дурку я не хочу!

– Тогда не будь душой! Хоть у тебя под глазом фингал, который заправщик, скорее всего, запомнил, у них почти нулевые шансы на тебя выйти. Если, конечно, мальчишка будет молчать. А он молчать будет. Я с ним поговорю.

– Что ты ему скажешь?

– Что ты согласна выйти за него замуж, если он навсегда забудет про белый "Мерин".

– Ты что, смеёшься? Зачем я ему нужна?

– Сама удивляюсь. Он, видимо, представляет себя виконтом де Бражелоном, которым, в сущности, и является.

– Я сама могу с ним поговорить! И сделаю это прямо сегодня.

– Нет, Ариана. Сегодня ты останешься здесь, вызовешь врача, оформишь больничный и не покинешь эту квартиру со стальной дверью до той минуты, пока всё не разъяснится.

– Риточка, я прописана в общежитии!

– Врач придёт. И ты это знаешь.

Малышка сморщила нос. Потом она убежала в большую комнату и пришла обратно в халате, завязывая на нём пояс. Сев к столу, спросила:

– Значит, ты думаешь, что упырь из белого «Мерина» непричастен к исчезновениям и убийствам всех этих Ариан?

– Никак не причастен. То, что мальчишка возник на Щукинской не случайно, дураку ясно. Ты говорила со мной по мобильнику очень громко, на всю больницу. Мальчик услышал, что ты на Щукинской будешь в десять, и прискакал. А то, что охотник за Арианами пересёкся с тобой таким чудесным образом – это более чем сомнительно. Я бы даже сказала, что вероятность равна нулю. Этот патриот просто захотел тебя изнасиловать.

– Значит, ты признаёшь, что я поступила правильно?

– Ариана, ты поступила как настоящий Ахилл. А это – гораздо больше, чем правильность. Но ты, дура, не догадалась спросить, как зовут мальчишку.

– Ничего страшного, ведь в больнице его все знают! Так ты уверена в том, что Мельников не придумал все эти похищения?

– Я не знаю. Ты говорила с ним, а не я.

– Маринка считает, что ему можно верить!

– А ей самой верить можно? Она жрёт транквилизаторы, как ты – семечки!

– Ну тебя, – вздохнула Малявка. Коньяк её зацепил крепче, чем ликёр. Некоторое время она безмолвно следила, как Рита гасит окурок и открывает новую пачку "Винстона", а потом размышляла вслух, что бы ей такое сказать врачу. Рита приготовила кофе. Когда они его пили, взгляд Арианы вдруг оживился.

– Ритка! Совсем забыла тебе сказать: Светка Елисеева из общаги комнату ищет! Ей двадцать лет, не то девятнадцать. Она готова выкладывать семь пятьсот.

– Как её зовут? – оторвалась Рита от размышлений.

– Я ведь тебе сказала – Света её зовут! Света Елисеева!

Она классная.

– Если она классная, то – потом. Как-нибудь потом. Не сейчас. Пока мне не хочется.

– А когда?

– Ну, пусть она позвонит мне где-нибудь через год, когда я уже забуду о том, что это именно ты её предлагала. И пусть не вздумает говорить, что ты ей дала мой номер! Иначе мне опять не захочется.

– Через год?

– Да, да, ровно через год – в январе две тысячи третьего, сразу после того, как она сумеет узнать своё лицо в зеркале по прошествии зимних праздников. И ни слова про Ариану Малявкину!

– Ну тебя, – вяло повторила Малявка и пошла спать в маленькую комнату, где была застелена постель Риты. Спать в большой комнате, вид которой был очень мрачным из-за тяжелой дубовой мебели довоенных лет, Рита не могла. Но спать в эту ночь она и не собиралась. Впрочем, ночь кончилась. Было три. Допив кофе, Рита переделась в маленькой комнате, под сопение Арианы сквозь темноту. Рита сняла красное вечернее платье для казино, колготки, бельё, и, взяв свой второй халат, направилась в ванную. Там она занялась окраской волос и к пяти утра сделалась блондинкой, как Ариана. Сходство, конечно, было не абсолютное, но приемлемое вполне. До восьми утра Рита пила кофе и коньяк с ромом. В восемь часов она, узнав телефон местной поликлиники через справочную, вызвала врача Ариане.

– Пожалуйста, пусть красивый молодой доктор придёт как можно скорее, – сказала она диспетчеру. – У неё тяжёлое состояние. Она бредит.

– Ну а зачем ей тогда красивый молодой доктор? – взбодрилась сонная девушка. – Ведь она всё равно не сможет его отличить от Ленина в Мавзолее!

– Конечно! – радостно согласилась Рита. – А к Ленину всегда очередь! Чтобы не волновать больную отсутствием достоверности, мне придётся быть первой!

– Ну вас, – вздохнула девушка и ушла со связи.

Доктор явился в без двадцати одиннадцать, когда Рита уже спала в довоенном кресле, а Ариана ещё даже и не думала просыпаться. Открыла медику Рита. Она сначала не поняла, кто это такой и что ему надо.

– Вы Ариана Феликсовна Малявкина? – спросил врач – действительно молодой, как она заказывала.

– Да, я, – хрипло и невнятно сказала Рита, только в эту секунду досмотрев сон.

– Врача вызывали?

– Да!

– Тогда я войду?

– Чего?

– Можно мне войти?

– Да.

Рита, в самом деле, чувствовала себя неважно. Велев врачу снять пальто в прихожей и получив от него ответ, что он это уже сделал, она его пригласила в большую комнату. Сев за стол, он выложил на него какой-то официальный бланк, потребовал медицинский страховой полис и паспорт. Она

ему принесла паспорт Арианы. Полис был в него вложен. Внимательно изучив оба документа, доктор спросил:

– Что вас беспокоит?

– Спина, – ответила Рита. – Я её, кажется, застудила.

– И в каком месте она болит у вас?

– В пояснице.

– Температуры нет? Горло не болит?

– Нет.

На Рите был лишь халат, и она боялась – ну, так себе, конечно, боялась, что врач предложит ей его снять, дабы осмотреть и ощупать спину. Но ничего подобного не случилось. Вместо того чтобы воспользоваться законной возможностью получить приятные впечатления, молодой человек стал заполнять бланк, достав шариковую ручку и раскрыв паспорт. Мнимая Ариана следила за ним мутными глазами, сидя на довоенном диване. Вдруг доктор задал вопрос:

– Родовых травм не было?

– Не было.

– В детстве вы любите нырять?

– Любила. А что?

– Ну, может быть, спину ещё тогда застудили?

Рита не знала, что отвечать.

– А где вы работаете? – продолжал задавать вопросы молодой врач.

– В районной больнице номер шестьдесят восемь.

– Должность?

– Я медсестра. То есть, лаборантка.

– Где-нибудь учитесь?

– В МГУ учусь я, на историческом факультете. Но справка для университета мне не нужна. Я, типа, в академическом отпуске.

– Не нужна значит не нужна.

Заполнив больничный, доктор отдал его Рите и, улыбаясь, спросил:

– Историю любите?

– Да, люблю.

– Это очень странно!

– Да что здесь странного? – удивилась Рита. – История увлекательна.

– На мой взгляд, историки – это люди, которые прошлым интересуются больше, чем будущим. Не могу этого понять.

– Всё очень логично. В чужих могилах копать приятнее, чем в своей.

– Ну вас! Видимо, в детстве мечтали стать археологом?

– Да, мечтала. С раннего детства.

Доктор поднялся из-за стола.

– Завидую тем, кому удалось воплотить детские мечты.

– Вы не из таких?

– Увы, нет! Закрывать больничный придёте в следующий четверг.

С этими словами доктор ушёл, очень торопливо надев пальто. Закрыв за ним дверь, Рита ворвалась в маленькую

комнату и безжалостно сдёрнула одеяло с подлинной Арианы. Та застонала и приоткрыла глаза. Синие, большие глаза Ахилла. В них был испуг.

– Больничный тебе оформили! – сообщила Рита, размахивая листом. – Можешь спать спокойно!

– Но это бред, – промямлила Ариана. – Как мне могли оформить больничный лист, если я спала?

– Дорогой Ахилл! Твоё уязвимое место – пятка. Всё остальное неуязвимо, особенно голова! Она целиком сделана из дуба.

Скинув халат, Рита начала одеваться. Она куда-то спешила. Через минуту на ней уже были джинсы и свитер. А Ариана, не проявив интереса к листу, который был брошен ей на живот, горестно воскликнула:

– Как прекрасен был виденный мною сон! Как страшна реальность! Я совершила убийство! Что теперь делать?

– Спать, пить коньяк, – бросала команды Рита, застёгивая ремень на штанах, – квартиру не покидать, дверь не открывать никому. Телефон не трогать.

– А ты куда собираешься?

– По делам. Где мой телефон, твою мать? А, вот он! Ой, я могу не успеть!

Выбежав из комнаты, Рита спешно впихнула ноги в ботиночки и буквально пятью движениями надела пальто, шапочку и шарф. Ключи, документы, деньги были ещё накануне рассованы по карманам пальто. Ключи Рита вынула, чтоб

снаружи запереть дверь. Схватила перчатки.

– Дроздова, вернёшься скоро? – опять раздался печальный голос Ахилла.

– Вечером, вечером. Если что, звони с городского мне на мобильник. Кроме меня, никому!

Покинув квартиру, Рита заперла дверь на оба замка.

Глава восьмая

Рита знакомится с Димкой Болотовым

Рита знала, что Ариана действительно не заметила перемены цвета её волос. Брюнетка стала блондинкой, а Ариана этого не заметила! Да, конечно, она была деморализована. Практикующей медсестре обидно сдавать экзамен по анатомии, а Ахиллу – экзамен по управлению современным автомобилем. Но самым трудным и важным был для Малявки экзамен по здравомыслию. Слабость в логике обрекла бы её не только на очень долгий тюремный срок, но и на потерю расположения Риты.

Выйдя на улицу, Рита сразу схватилась за нос, чтобы защитить его от мороза, и сломя голову побежала к своей машине. С осени она ездила на двенадцатилетнем «Пежо-605» цвета серебристый металлик. Это была машина её мечты – красивая, мощная, легендарная. После ночи стояния на морозе она завелась как миленькая. Погрев её минут десять, Рита отправилась в Люблино. Там была больница, где в по-

запрошлом году её собирал по частям Евгений Владимирович. Он сделал ей несколько операций и отпустил раньше времени, уступив её настояниям. Чтобы получить выписку, ей пришлось написать расписку.

Выехав на Рязанский проспект, она стала чаще поглядывать в зеркала и очень рискованно обгонять. Так, на всякий случай. Машин, не смотря на стужу, было полно. Охранники знали Риту и сразу подняли перед ней шлагбаум. Поблагодарив их улыбкой, она проехала на больничную территорию и припарковала автомобиль перед хирургическим корпусом. В отделении пробыла она полчаса. Все, кроме Тамары Васильевны, были заняты и могли только очень коротко поболтать с бывшей пациенткой. Но терапевт любезно дала ей два телефонных номера Димки и вежливо поинтересовалась всеми нюансами состояния Арианы, узнав, что она больна. Таким образом, миссия Риты в больнице была исчерпана и больницу можно было покинуть. Вновь сев за руль, Рита запустила мотор и набрала Димке. Она звонила на городской. Димка почти сразу взял трубку. Его мальчишеский голос Рите понравился.

– Это Дмитрий? – осведомилась она.

– Да, я.

– С вами говорит подруга той дамы, которую вы вчера несли на руках. Я про Ариану.

Димка взволнованно засопел и долго молчал. Потом он спросил:

– А как вас зовут?

– Меня зовут Рита.

– Вы с ней подруги?

– Да.

– Где она сейчас?

– У меня. Я располагаю свободным временем. Если вы сейчас дома и не особо заняты, я приеду и расскажу вам подробности. Мой мобильник через минуту сядет.

– Я буду рад, если вы приедете, – сказал Димка.

– Тогда, пожалуйста, адрес.

Он назвал адрес. Она достала из-под солнцезащитного щитка маркер с блокнотом и записала.

– На Пролетарке живёте?

– Да.

– Хорошо. Через полчаса я приеду.

Она приехала через сорок минут. Поскольку её мобильник на самом деле был хорошо заряжен, почти все эти сорок минут она проболтала с Ленкой Троянской. Да-да, с той самой царицей из ресторана «Троя». Они с ней были коллегами – но уже не по обезьянству, придуманному Мариной Ерошкиной, а по импровизированному свинству.

– Я и Алька сегодня вечером будем у Буреломовой, – сообщила Ленка сразу после того, как Рита с ней поздоровалась. – У неё, кажется, депрессия.

– Разве это хороший повод для измывательства? – удивилась Рита.

– Для измывательства? Мы хотим её поддержать!

– Смотрите, кончится тем, что она Тумана на вас напустит! А что из этого выйдет, знаешь сама.

Елена Троянская озадачилась. Но потом она усмехнулась и задала вопрос:

– Так может, ты с нами?

– Ну, хорошо. Часа через два я, наверное, за тобой заеду. Алька пускай сама добирается.

– Да, пускай. Надеюсь, она где-нибудь провалится по дороге.

– Алька проваливается только по дороге туда, где она нужна, – возразила Рита. Язвительный разговор в таком духе шёл до тех пор, пока она не припарковала машину около дома Димки.

Димка ей открыл дверь, едва она прикоснулась к кнопке звонка. В маленькой квартире он жил один, и бабами в ней не пахло. Это повергло Риту в недоумение, потому что она сочла Димку симпатичным. Он ей помог снять пальто. Идя вслед за ним на кухню, она заметила, что он сильно хромотает. В квартире было не слишком чисто, однако Рита в силу своей терпимости ко всему неизбежному и любви к живым поросётам этим не заморочилась.

– Кофе? – предложил Димка, когда она уселась за стол.

– Нет, спасибо. Мне надо, дружок мой, чтоб ты просто сел и не суетился.

Он молча выполнил её просьбу. Кажется, ноги его совсем

не держали. Ей захотелось курить, глядя на него. Однако она решила не наносить ущерб его состоянию. Открыть форточку означало впустить в квартиру мороз, а было и так не особо жарко.

– Ты очень бледен, – сказала Рита, обводя взглядом кухню, также имевшую скверный вид. – Это от волнения? Или от обильной кровопотери?

– Крови ушло немного, – спокойным голосом молвил Димка и в подтверждение своих слов слегка покраснел. – Она очень лёгкая.

– Ариана?

– Да.

– Вес у неё маленький, – согласилась Рита. – А вот характер тяжёлый. Я бы на твоём месте не стала связываться. Но ты, судя по твоему неумному взгляду, уже связался.

И тут она замолчала, глядя на Димку. И очень долго приглядывалась к нему, прежде чем сказать:

– Она вчера ночью зарезала человека.

Димка даже не вздрогнул. Не шевельнулся.

– Водителя «Мерседеса»?

– Да. Он хотел её изнасиловать. У неё в кармане был перочинный нож с белым крестиком. Ни один человек, кроме нас с тобой, не знает о том, что ты посадил её в «Мерседес». Никто её в нём не видел. Никто не видел, как она вышла из «Мерседеса» в паре кварталов от того дома, где живу я. И она всё время была в перчатках. Ты меня понял?

– Да, – еле слышно проронил Димка, – я тебя понял.

Он продолжал оставаться очень спокойным и неподвижным. Рита кивнула. Ей захотелось дать ему щелбана. Но она не стала этого делать.

– Ну, молодец. Тогда я пойду?

– Постой, – вдруг остановил он её порывистым и коротким прикосновением. – Так она сейчас у тебя?

– Она сейчас у меня.

– В каком она состоянии?

– В полупьяном. Но всё будет хорошо. Она успокоится, потому что её поступок был правильным. У неё других вариантов не было вообще. Если бы она приехала не ко мне, а в полицию, то её закатали бы на пятнадцать лет. Ты согласен?

– Да. Тут даже и не о чем говорить. Скажи, я могу с ней встретиться?

– Можешь, – сказала Рита, всё-таки дав ему щелбана, – но только сначала ты должен встретиться с доктором. Завтра ты поедешь к нему. Потом ты позвонишь мне. Я вижу, твой городской телефон имеет определитель. Значит, мой номер у тебя есть. Звони, когда хочешь.

– Я позвоню тебе днём, – пообещал Димка. Рита с дурацкой важностью улыбнулась ему и встала. Он проводил её до двери, помог ей надеть пальто. Она долго думала, целовать его или нет. Решила не целовать, чтоб совесть перед Малявкой была чиста. Но руку ему пожалала.

Над городом появилось солнце. Оно было бледно-розо-

вым и не грело совсем. Запустив мотор, Рита прикурила. Потом она взяла телефон и набрала номер.

– Да, Рита, – ответил ей мужской голос.

– Ты сейчас в офисе?

– Да.

– Через полчаса я заеду минут на пять. Я буду без макияжа. Скажи охранникам, чтоб они постарались меня узнать.

– Ты без макияжа? Заедешь на пять минут? Что всё это значит?

– Что меня ждут Елена Троянская и Туман.

– Дивная компания! И какого рода туман тебя ещё ждёт?

– Мужского. Это кобель.

И, убрав мобильник, Рита включила первую передачу. Спешить ей было особо некуда, но она устремилась к центру, как на пожар в главном госархиве литературных рукописей.

Глава девятая

Ксения, Елена и Алевтина ищут третий стакан. Рите он не нужен. Туман приходит сквозь холод и снегопад

Туман был восточноевропейской овчаркой без родословной. Ксения всем врала, что он – РКФ-ный, но появился после внеплановой вязки. На самом деле его родители не были никакими клубными медалистами, чемпионами мира по экстерьеру и выучке. Они были всего лишь уличными рабочими псами, которые охраняли какой-то важный прави-

тельственный объект между енисейской тайгой и полярным кругом. Поскольку там собачек кормили не совсем так, как кормят элитных выставочных красавцев, время от времени приходилось им есть волков. Тумана никто никогда не дрессировал, ибо он достался Ксении Буреломовой. Но он вырос довольно умным, по той же самой причине. Ведь если два существа вместе проживают на площади тридцать восемь квадратных метров, по крайней мере одно из них должно быть вменяемым. По ночам Ксения работала – сочиняла драматургию, стихи и прозу. В восемь утра она выводила пса на прогулку, потом кормила его и ложилась спать. Дверь своей квартиры писательница при этом не запирала, чтобы какой-нибудь злоумышленник попытался войти с целью грабежа либо, например, изнасилования и был уничтожен. Но Алевтину Абрамову – или, проще говоря, Алю, Туман не атаковал никогда, ибо её цели были иными. Аля обычно сразу будила Ксению Буреломову, и они начинали орать одна на другую, часто используя непонятные псу слова: Мандельштам, Цветаева, Блок, Есенин, Высоцкий, Ахматова, Гумилёв, Пастернак и тому подобные. Также много звучало и других слов, куда более понятных. В такого рода разборки Туман, как правило, не встречал. Они ему даже нравились, потому что в эти минуты, а лучше сказать – часы, он острее чувствовал глубину своего ума и нравственного развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.